

Зинзивер № 6 (150) 2025

2025
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка редактора</i>	5
--------------------------------	---

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Андрей НЕДАВНИЙ. Снег и пепел. Стихотворения	6
Александр В. БУБНОВ. Опора стиха. Стихотворения	10
Евгений СТЕПАНОВ. Один из. Стихотворения	14

ДРАМАТУРГИЯ

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ. Любовь между строк. Пьеса	18
---	----

СКАЗКА

Иосиф РУХОВИЧ. Разговор по существу. Сказка	20
---	----

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

Виктор АСТАФЬЕВ (1.05.1924–29.11.2001) – Нине КРАСНОВОЙ. Письма (1987–2000)	32
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Сергей Попов, «Поздний вираж» (Александр БАЛТИН)	
Александр Дуда, «Пока непроданная Любовь (знаки препинания и акценты расставьте сами)» (Александр БАЛТИН)	
Олег Лич, «Хиромантия и астрология» (Александр БАЛТИН)	65

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

От всей души поздравляю вас с наступающим Новым годом и 150-м юбилейным номером нашего журнала! Здоровья вам и новых творческих успехов! И, конечно, мирного всем нам неба над головой!

Пусть процветают Союз писателей XXI века, ПЛК (Профессиональные Литературные Курсы), телеканал и телекомпания «Диалог», холдинг «Вест-Консалтинг», Дом творчества «Сосновый Пегас» — наша большая и дружная семья!

Издательская деятельность, конечно, по-прежнему для нас на первом месте. И мы не намерены сбавлять обороты.

В следующем году мы планируем выпустить порядка ста книг — это и стихи, и проза, и мемуары, и научная литература.

Периодичность выпусков наших изданий на 2026 год такова:

«Зинзивер» — шесть номеров в год; «Дети Ра» — шесть номеров в год; «Футурум АРТ» — два номера в год; «Зарубежные записки» — два номера в год. Что касается наших газет, то периодичность «Литературных известий» не изменится — двенадцать номеров в год. Газета общественных организаций МИД РФ «Наша Смоленка», которая верстается в издательстве «Вест-Консалтинг», и газета «Поэтоград» в 2026 году также будут выходить ежемесячно.

Журнал «Зинзивер», как всегда, будет ориентирован, прежде всего, на санкт-петербургскую литературу. Однако и достойным авторам из других регионов мы, конечно, найдем место на страницах нашего издания.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ
издатель и главный редактор журнала «Зинзивер»,
руководитель холдинга «Вест-Консалтинг»
и Союза писателей XXI века

Поэт, музыкант. Участник Форумов молодых писателей в Липках (2004, 2008, 2009) и первого Форума переводчиков в Звенигороде (2015). Публиковался в журналах «Дети Ра», «Литературный Кисловодск», «45-я параллель», «Белый ворон», «Новая реальность», «Плавучий мост», в «Литературной газете», «Независимой газете». Участник коллективных сборников «Новые писатели» и «Каталог лучших произведений молодых писателей» (по итогам Форумов молодых писателей 2010) и «Московский год поэзии». В 2013 году вышла первая книга стихотворений «Арфистка эолова». Один из основателей ставропольской литературной группы «Кавказская ссылка» (2011). В настоящее время живет в Подмоскowie.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

СНЕГ И ПЕПЕЛ

* * *

Остались вишня да тутовник,
Срубили пару тополей
Там, где когда-то я, любовник,
Ходил к красавице своей.
Асфальт раз пять перестелили,
Сменил хозяев магазин.
И мы друг другу все простили,
Закрыв на ключик клавишин,
Запрятав скрипки и гобои
Так далеко, что не найти,
Что усмехнешься над собою,
Сорвав две вишенки в пути.

* * *

И снег ночной. И в комнате тепло.
Ложисься спать, прислушиваясь к ночи.
Куда тебя по жизни завело —
К зияющему раю одиночеств?
К неверию? К усталости? К тиши?
К вопросам риторически напрасным?
Цветные не люблю карандаши.
По мне и в черно-белом жизнь прекрасна.

Без примеси, без розовых очков,
Лишь снег и пепел. Дым и силуэты.
Есть в законной музыке шагов
Стихи ушедших навсегда поэтов.

* * *

В тумане утонувший лунный свет
На парк ложится сонным покрывалом.
На чертовом застыли колесе
Грачи, как будто их нарисовали.
В такой-то вечерок не Дебюсси
Припомнится, скорей мотив из Грига.
Жизнь ровно к сроку выпустит шасси,
А ждать нет мочи — с парашютом прыгай.

* * *

Не зима за окном, но холод,
Только лунный белеет серп.
Рождество снизошло на город —
Как рахманиновский концерт.
Словно ноты — волхвы в халатах,
Пред Младенцем склонились ниц.
Это золото, смирна, ладан.
И вся жизнь не длинней ресниц.

* * *

«У поэтов есть такой обычай...»

У поэта есть своя линейка,
Циркуль, карандаш и транспортир.
Он, на глаз, доподлинней ван Эйка,
Всю вселенную, до черных дыр,
Воссоздаст двумя-тремя стихами
И помрет, безлик и невесом.
Словно пальцы вдоль мажорной гаммы
С черно-белой жизнью в унисон.

* * *

Словно где-то в сумерках барокко,
Тишины отчаянный глоток.
Где твое прекрасное далеко? —
Лишь зимы крещенской холодок.
Рельсы-рельсы, поезд запоздалый,
Шпалы-шпалы, на снегу следы.
Снег идет красивый и усталый.
Большей и не надо красоты.

Поэт, визуальный поэт, эссеист, педагог, теоретик и практик палиндромии и экспериментальных форм стиха, доктор филологических наук, автор многих терминов, описывающих современные тенденции в развитии русской поэзии: монопалиндром, кругозвучие, метрофоника, интегральный стих и др. Автор многочисленных книг и публикаций. Родился в Курске. Живет и работает в Москве.

ОПОРА СТИХА

(стихи 2025 года)

РИФМЫ РИФМ

...слов, от которых я очень сильно устал
Е. Степанов

...суета сует, — всё суета!
Еккл. 1:2

устал —

уста
уст —

ус

у

02.10.2015

НЕСТИХАЮЩАЯ...

метроритмика дороги — той,
которую
зовут железной, —

метрофоника ее,
ее — особенно ночное —
мистическое завораживающее действие...
универсальное —

ибо музыка, вселенское —
ибо вне
определенного тона, но
организованное
почти всегда по парам — парам-парам,
парам-парам —

качающе-скачущее,
символическое и осязательное,
словно и несловно — между —
сном
и явью,
не то / не это — и то / и это...
удары металл об металл —
набатность и напевность — всё —
там-там / тут-тут...

сдвоенность, сопряженность, система —
система микровоздействия,
вырастающая в
некое
макросостояние...

метр качает нечет и чет...

...звуков, слогов, слов, строк, стихов...

рифм — рифмопар...
одно без другого не может —
диалектика и единение...

единство-цельность-неделимость —
интегральность...

опорные шпалы, держащие пару рельсов,
рельсовместно воз-
действующих,

согласно воз-
действующих в слове — словоформе,
стихоформе,

стихорифме...

опорные шпалы, держащие звукопару
ударный гласный и —
предударный — опорный — согласный,

априори согласный с последующим звуком —
стуком метроритма стиха

*удары сердца, струны, рока, удары
в латы,*

в лады
звучащей
звучаянной и звучающей
*струны человеческой
мечущейся между сердцем
и небом*
НЕСТИХАЮЩАЯ ОПОРА
СТИХА

12.10.2025

МОНОПАЛИНДРОМ МАРИИ КАРЯГИНОЙ

речевест —
а звала пир
поэма —

к камэо припала —
в затее вечер...

16.10.2025

УЧУЯ БЕСА, СЕБЯ УЧУ
(палиндром в день учителя)

— учуя беса, себя учи

...

— и чуя беса, себя учу

05.10.2025

РАМКА СТИХА

(из А. Пушкина)

Опыт.

Сын.

17.05.2025

АНАГРАММА / ОМОГРАММА

он не раз будил ее

но не разбудил ее

23.09.2025

Поэт, прозаик, публицист, издатель, бард, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

ОДИН ИЗ

КАК-ТО ВСЕ ОЧЕНЬ СЛОЖНО

Немногое мне удалось. И многое мне удалось.

Как посмотреть — в каком контексте...

...Мы вместе, но мы все же врозь.

Мы врозь, но все-таки мы вместе.

...Пронзила жизнь меня насквозь.

И принесла плохие вести.

И принесла благие вести...

2025

КОГДА

Когда любимая болеет,

Когда лицо ее белеет —

Становится, как белый снег, —

Я самый грустный человек,

Нечастный, мрачный человек.

Когда не знаешь, чем помочь,

То день становится — как ночь.

2025

ОЛЯ

Оля простодушна и честна.
И не любит фальши макияжа.
Стройная, как юная сосна,
Оля — часть быковского пейзажа.

2025

ОПЫТ

Текут бесконечные бражные реки.
Наверное, нет полноводнее рек.
Когда алкоголь говорит в человеке,
То это не сам говорит человек.

Когда говорит в человеке досада
И гнев проникает в рассудок, как спам,
Я твердо уверен, что лучше не надо
Внимать раздраженным, сердитым словам.

Молчание лучше любой перебранки.
Парировать стоит ли галиматью?
...Я тоже когда-то ругался по пьянке,
Но лет двадцать пять, слава Богу, не пью.

2021

СВИДАНИЕ: ПАМЯТИ МАМЫ

«Назначь мне свиданье на этом свете...»

Мария Петровых

Печаль моя горька
От этих дней пустых
И горше, чем строка
Марии Петровых.

А даль моя светла
От неизбежных встреч.
Душа сберечь смогла —
Что врач не смог сберечь.

2025

ОДИН ИЗ

Это скрипят кости.
Это скрипят сосны.
Я не сдаюсь.

2025

ОТ БОГА: КАЛИНА КРАСНАЯ

Егор-и-горе-боль-Василий
Макарович.

2025

ПОХОРОНЫ СТАЛИНА

Трубная.
Трупная.

2025

ПЕСНЯ-XXI

1 куплет

Тыч
Тыч
Тыч

Дыч
Дыч
Дыч

Припев

О-о-о-о-о-о

2 куплет

Ныч
Ныч
Ныч

Рыч
Рыч
Рыч

Припев

О-о-о-о-о-о

2025

СТРОКА

Конвейер графомании.
Бумажная трава забвения.
И — вдруг — бессмертная строка.

2025

Прозаик, поэт. Родился в 1976 году в Москве. Окончил Государственный университет управления (1998) и Высшую школу Европейских культур (2002). С 2004 по 2018 год жил и работал в городе Регенсбург в Германии. С 2019 года проживает в Москве. Пишет в жанре «миниатюра, афористика». Член Московского союза литераторов и Московского клуба афористики. Автор трех книг афоризмов. Лауреат многих литературных конкурсов.

ДРАМАТУРГИЯ

ЛЮБОВЬ МЕЖДУ СТРОК

Занавес.

На сцене — городская площадь. Двое, Он и Она, сидят на скамейке, отвернувшись друг от друга.

ОН: *(бурчит)* Ну и денек!

ОНА: *(ворчит)* Не говори...

Некоторое время они сидят молча, глядя в разные стороны.

ОН: *(вдруг)* Знаешь... Я люблю всех женщин в мире...

ОНА: *(перебивая)* Да знаю я! Кроме меня! Вечно ты так говоришь!

ОН: *(грустно)* Ну а что я могу поделать, если это правда? Все женщины прекрасны, загадочны и... *(мечтательно)* ... недоступны!

ОНА: *(язвительно)* А я, значит, доступна? Раз ты меня не любишь?

ОН: *(нервно)* Да не в этом дело! Ты просто... ты... особенная! Ты не такая, как все!

ОНА: *(передразнивая)* Особенная... Это как? Страшная?

ОН: *(хватаясь за голову)* Да нет же! Просто... с тобой как-то... по-другому! Не как с остальными!

ОНА: *(вздыхая)* Ладно, проехали... Я тоже, знаешь ли, не в восторге!

ОН: *(удивленно)* Ты тоже... что?

ОНА: *(глядя в другую сторону)* А то! Я люблю всех мужчин в мире...

ОН: *(перебивая)* Кроме меня? Я знаю! Ты мне это говоришь каждый день!

ОНА: *(пожимая плечами)* Ну а что я могу поделать, если это правда? Все мужчины такие сильные, смелые и... *(мечтательно)* ... недостижимые!

ОН: *(возмущенно)* А я, значит, достижим? Раз ты меня не любишь?

ОНА: *(насмешливо)* Ой, да ладно тебе! Ты просто... ты... домашний! Ты не такой, как все!

ОН: *(обиженно)* Домашний? Это как? Подкаблучник?

ОНА: *(улыбаясь)* Ну, почти...

Они снова замолкают. Наступает неловкая тишина.

ОН: *(вдруг)* Слушай...

ОНА: *(одновременно)* Знаешь...

Они смотрят друг на друга.

ОН: *(смущенно)* Куда пойдем?

ОНА: *(улыбаясь)* В ЗАГС!

ОН и ОНА встанут со скамейки, берутся за руки и уходят со сцены.

(Через несколько секунд на сцену выбегает ребенок, держа в руках букет цветов.)

РЕБЕНОК: И они расписались! И жили долго и счастливо! И родили много детей! И стали самыми счастливыми людьми на свете! Потому что они любили друг друга! И это главное!

Занавес.

РАЗГОВОР ПО СУЩЕСТВУ

Литературная сказка для больших любителей литературы

«Вот это да! — подумала Алиса. — Кот с улыбкой — и то редкость, но уж улыбка без кота — это я прямо не знаю что такое!»

Льюис Кэрролл «Алиса в стране чудес»

СКАЗКА

Не верьте, что книжки разговаривают только по ночам. Дескать, когда все спят, герои сходят со страниц или что-нибудь в этом роде. Нет, нет и нет! Разговаривают и днем, и ночью, и в будни, и в праздники и даже в ночь под Рождество — сам слышал. Конечно, по ночам разговор серьезней и обстоятельней, не мешают шаги из угла в угол и громкие мысли Хозяина, тем более что передуманы еще будут сто раз. Но долго ли, коротко, громко ли, шепотом — разговор не прерывается никогда — даже в долгие годы забвения.

Нет, дело совсем не в том — разговаривают книжки или нет. Разговаривают! Как разговаривают и о чем — вот в чем суть!

И тут чрезвычайно важно — как книги стоят.

Если мало, то о чем говорить? Два-три десятка, согласитесь, не предмет для разговора, как их не ставь.

Если их слишком много и они разбросаны — свалены на пол, вкривь и вкось лежат на подоконнике или, не будем уже об этом и говорить, завалили весь стол, настоящего разговора не получится. Будет разноголосица, отрывочность и, вообще, никто никого не слушает, только сами и говорят.

Нет, все прочитанные и ждущие своей очереди книги должны стоять на полках в стеллажах. И без всяких стекол! Между ними и Хозяином не должно быть даже призрачных преград. Стекло прозрачно только для видимого спектра, а ультрафиолет?

Вы говорите пыль? А изредка взять и полистать читанное. И вам польза — настоящее чтение — перечитывание, писал Владимир Набоков, а он, поверьте, знал, что говорил, — и пыль не успеет вьестись. Ну и, конечно, пылесос — чистота залог здоровых отношений.

Стоять стеллажи должны буквой «П», окружая у окна письменный стол. Перекладина должна быть по возможности расширена — насколько позволяет кабинет. Под полками внизу шкафчики — для случайных, неведомо как сюда попавших и немного пролистанных книжек (не выбрасывать же!), и для всяких рукописей, набросков и вариантов — не выбрасывать ни в коем случае! Ну, разве что, сжигать...

Но вот книги стоят, наглядно и чисто, но как стоят? Не в алфавитном ли порядке?! Ни в коем случае! Только представьте себе — он вас не любит, да и вы его терпеть не можете, а вас сажают за стол рядом по первой букве фамилии. Ничего хорошего не получится, уверяю вас. В лучшем случае красноречивое молчание, хуже — ссора, а то и, упаси Господи! — литературная драка. Нет, нет! Хороший Хозяин рассадит по интересам, будет внимательно следить за накалом разговора и постарается не допустить нежелательных контактов и крайних степеней.

Но вернемся к книгам. Ну, как можно рядом с Буниным ставить — да еще и впереди! — какого-нибудь, скажем, Бабаевского? А придвиньте вплотную к Ивану Алексеевичу даже из противоположного конца алфавита Константина Георгиевича Паустовского, или Юрия Казакова, или Андрея Платонова, или даже, совсем уж из конца, Чехова — а? Совсем другой разговор!

Нет, никаких первых букв. Руководствуйтесь только любовью и вкусом. У вас же есть собственный вкус?

Как искать? А искать не надо. Если у вас не коллекция, а книги — не марки, не слоны, не дорогие автомобили — чего их коллекционировать? — а ваша личная библиотека, то все книги вы знаете в лицо. Забывается? Ну, тогда в шкафчик. Да и сколько у вас прочитанных книг наберется, даже если вам уже и за шестьдесят? Тысячи полторы? Две? Ну, от силы, три — что там запоминать?

Все эти условия совершенно обязательны, без порядка в нашем деле, да и в любом другом, нельзя никак, но для разговора крепкого, впечатляющего явно недостаточны.

Главное — тема. О своем за годы, десятилетия и даже столетия книги уже не раз говорили. И еще будут говорить и спорить, открывая друг у друга все новые глубины. Но это разговоры, за прошествием лет, уже спокойные, медленные и мудрые, без яростных споров, обвинений и упреков. Другое дело — книга новая, на полках не устоявшаяся, может быть, даже еще и неизданная. Тогда — конечно!

Вот как сейчас. Хозяин уgomонился, лег и, как смог, заснул. А на столе свеженькая, только из-под принтера, рукопись, еще и права голоса не имеющая. Ее, безусловно, надо и немедленно обсудить.

По полкам проходит небольшой шумок, книги поудобнее устраиваются, перебрасываются ничего незначащими словами, шелестят страницами — предвкушают... Наконец устанавливается гулкая тишина уже недолгого ожидания — ну-с, кто первый?

— Нет, но что мне непонятнее всего, как эти современные авторы выбирают подобные сюжеты? Где они их находят? Откуда достают? — начинают разговор со своего хутора возле украинской деревеньки темно-зеленые читанные-перечитанные тома даже с почти

сожженным вторым, с записками уже и совсем ненормального, стоящие в самом центре перекладины, главной части книжных построений.

— А в чем, собственно, дело? — структурирует художественный текст толстенный том в светло-желтой суперобложке на левой стойке, там, где у нас литературоведение, философия, история, математика и другие науки. — Если под сюжетом понимать развитие характеров или, как говорит мой коллега по альтернативным прогулкам с героями сатанинских романов, этическое наполнение знаковых элементов фабулы, то, прежде всего, важно — есть сюжет или нет. А в Вашем вопросе, господин Классик, уже содержится утверждение, что есть.

— Есть, есть, — не очень охотно выходит из тенистых аллей красно-коричневое собрание сочинений в девяти томах, похрустывая антоновскими яблоками, — и предмет разговора есть. Что, в конце концов, сюжет? Любовь и смерть. Художественным событием и значительным может стать даже кончина какого-нибудь господина из Североамериканских штатов. А тут бурные шестидесятые двадцатого столетия, провинция, куда доносятся отзвуки исторических событий. Обыкновенный, без роду и племени, паренек со способностями осваивается и осваивает пространство и время. Превосходный сюжет! Все дело в том, как он реализуется, к чему приходит. Тут явный случай открытого конца. Продолжение в умах читателя, но и автор обещает вести своих героев дальше. Посмотрим...

— Сюжет романа, что читаем, прост и сложен, — глуховато и чуть нараспев зазвенела струнами старинная мифологическая книжка десятилетних войн и путешествий, начавшая европейскую литературу. — Следим мы становление героя от детства и до зрелых лет почти. И обобщения будем делать мы. Коль эти обобщенья будут. Но материал какой-то все же есть.

— Сюжет, сюжет... — вернулась из однодневного путешествия по ирландской столице большая книга, забывшая в конце все знаки препинания, — сюжеты везде, даже в потоке сознания. Важно — к чему они ведут. Если мы вошли в книгу и такими же из нее и вышли, то какова бы не была фабула, сюжета никакого нет. Но нашего Хозяина это, кажется, не касается. Тут характеры героев развиваются довольно стремительно. Вот только достаточно ли характеров для полноты картины? Не маловато ли героев?

— А не режет слух «Хозяин»? — оторвались от тяжелых дум о мироустройстве, исторических сражений, самоубийственного положения женщины и размышлений на тему — что же такое искусство — многочисленные тома темного золота. — Хозяин чего? Книг? Да, он относится к нам по-хозяйски, но с такой любовью и трепетом, что в пору подумать, кто тут хозяин. Давайте лучше «наш автор». Не в том смысле, что он уже наш — до этого еще долгий-долгий путь, да и состоится ли он, а в том, что обсуждаем его рукопись.

— Согласны, согласны. Наш автор очень бережно относится к литературной традиции. Что позволяет ему идти дальше. Может быть, и значительно, — горячо заговорили лекции по мировой литературе, стоящие на левой стойке, в то время как их художественные собратья, посвященные шахматным дебютам, бабочкам, приглашениями на лобное место и несовершеннолетней любви, занимали достойное место на перекладине как классика двух литератур. — Но вернемся к сюжету. Тут был упомянут поток сознания. Это же в значительной мере условность, игра. Человек мыслит не только словами, но и образами, импульсами и еще Бог знает как. А передавать все это словами, значит договориться с читателем. В конце концов, поток сознания присутствует везде, даже в драме. Возьмите, например, последние часы и минуты Анны Карениной — это ли не поток сознания? Задолго до присутствующего здесь Джойса. Впрочем, наш автор всеми этими психологизмами явно не злоупотребляет. Его сюжет — развитие мышления и чувств молодого растущего человека.

А фабула — приключения мысли. И любви. А вот детали... Наш автор, в общем-то, владеет этой стороной повествования. Посмотрите, например, лаконичное, но просто-таки объемное описание встречи героя с тундрой! И всего-то на три четверти страницы. Не мало-то ли деталей? Наш автор как будто экономит штрих...

— Да-с, — протянуло свинцово-серое, как петербургское небо, издание, занятое страдальческим самоочищением с разбором правонарушений и возмездий, особенностей пенитенциарной системы, с черным автографом автора на обложке. — Вы говорите о фабуле как о приключениях мысли и любви. Но они развертываются во второй половине двадцатого века, в напряженном, динамичном и стремительном времени и уже совсем другие — новые, может быть, не совсем нам понятные и не каждого могущие увлечь. Обостренные чувства, как вера, уже не могут занимать господствующего места в жизни. Суть их со временем мало меняется, но ищет нового стиля существования и изложения. Сюжет сюжетом, но каков стиль нашего автора? И есть ли он?..

— Да, это вопрос, — роясь в записных книжках, перебежали с чемоданом из зоны в заповедник четыре белоснежных тома. — Стиль должен прослеживаться. У нашего автора фразы то короткие, то длинные. И в одном предложении частенько встречаются слова, начинающиеся на одну букву. Это же проза, к чему здесь аллитерация? И пусть читается хорошо, но над четкостью и узнаваемостью стиля надо еще работать.

— Стили бывают разных луев! — невпопад гаркнули с лесенки стихи в красномкожем переплете, в коффе цвета шок и расплывчатых штанах.

— Фиглярство в литературе — последнее дело, — одернули пролетарскую поэзию двадцать увесистых томов полного собрания сочинений Основоположника, изданных к столетию со дня смерти. — Помнится, вы мечтали стоять почти что рядом, чего Хозяин, слава Богу, не допустил без всякого Надсона, так ведите себя прилично. Что касается стиля, то он, безусловно, есть. Он не только хорошо чувствуется, но и прослеживается во многих деталях — нестандартный и ненадоедливый юмор, лексика, подбор слов, набор приемов, построение предложений. Но вот фразы... Зачастую наш автор прерывает запятыми или тире предложение, чтобы втиснуть объяснения и размышления... Такой прием заслуживает внимания, но требует от читателя определенного напряжения и памяти. Не знаю...

— Интересно, как наш автор отнесется к такому обсуждению? — стихи пролетарского поэта мгновенно посерьезнели. — Нас с нашими традициями, ритуалами, стилями надо ломать и выбрасывать с парохода истории. А мы требуем, чтобы нам внимали. И, кажется, наш автор внимает. Не слишком ли?

— Не нужно ничего ломать и выбрасывать, — вздохнул небольшой томик великих стихов, призывавший сквозь весенний первый гром молчать, скрываться и таить. — Но идти своим путем, как бы одиноко не было. Наш автор ищет путь к себе, не только никого не зачеркивая, но в борьбе привлекая нас на свою сторону. Удастся — будет стоять меж нами. Но это уже решать времени...

— В стиле важно, как писатель относится и осваивает историческое наследие, — засучила рукава светлая книга с красным теснением с левой стойки, учившая пролетариат ремеслу поэта, в то время как стихи, писанные в перерывах между исследованиями литературы, прекрасно себя чувствовали на правой части перекладки. — Давайте послушаем стихи нашего автора, обращенные в том числе и непосредственно к нам:

Не мешайте, чужие стихи!
Как не вовремя вы и не к месту!
Эlegantны, нарядны, легки,
Вам к парадному надо подъезду.
Да, я знаю — и вы рождены
Среди хаоса, крови и пота,
Но сейчас вы с другой стороны,
А у нас черновая работа.
Тут за словом не только в карман,
И на стенку — вы ж видите! — лезу,
Разгоняю словесный туман,
Обхожу мишуру и дурман,
Прохожу дымовую завесу.

И теперь, когда близок итог,
Когда мы пробиваемся к свету,
Что же вы нам сбиваете слог,
Отдаляете нашу победу?
Но стихи, засучив рукава,
Наступают и строго, и грозно:
Надо сверить сейчас же слова!
Когда выйдут на свет — будет поздно.

Вот эта сверка — ценное качество нашего автора, которую следует понимать следующим образом — хранить, но не повторяться. Для времени нашего автора — чрезвычайно трудное занятие. Но, кажется, в основном справляется. Не везде, правда...

— Вы меня извините, — вклинивается с левой стойки большая книга с формулами и «Троицей» Рублёва на обложке, старающаяся доказать, что науке есть место в искусстве, — но если мы отвлеклись от рукописи и разбираем нашего автора во всем объеме его прозы и поэзии, то обратите внимание на композицию приведенного стихотворения. Количество строк первой части — тринадцать — относится к заключительной — восемь — так же, как все стихотворение к первой части. Один и шесть десятых с хвостиком. Золотое сечение! Числа Фибоначчи! Но мы-то с вами хорошо знаем, что наш автор писал не с калькулятором в левой руке.

— Законы красоты не требуют счета при создании. Но потом анализ, даже математический, может быть и не помешает, — засомневался сине-голубой двенадцатитомник, ищущий хорошую жизнь в России, — но и вряд ли поможет. У художника задействовано, прежде всего, правое полушарие. Но не без левого, конечно. Мы-то знаем, что наш автор ничего не считал, как не считаем и мы. Но если попробовать количественно оценить настоящие стихи и прозу, то всегда найдутся какие-нибудь закономерности. У нашего автора они тоже есть, ну и прекрасно. Главное — есть ли смысл во всех его построениях. Может быть немного не хватает прозрачности?

— Но все-таки обратите внимание на семантическую функцию золотого сечения: — в «Троицу» вписались три белых круга, несмотря на обратную перспективу табурета, — заключительная часть не только переиначивает содержание первой, но и точно указывает момент вмешательства — *«когда близок итог»*. А что касается математики, то наш автор

довольно смело включает в художественный текст даже формулы. Его герой учится мыслить, как же можно обойтись без искусственного языка науки.

— Формулы... — погрустнела плотная книга без тайн и печали, собирающая под вечер подорожники. — Все это, конечно, любопытно. Нам ли не знать из какого мусора рождаются великие полотна, не зная стыда. Но формулы... Не слишком ли? А ведь наш автор их включает даже в стихи. Вот начало его «Солнца»:

А солнце светит и не знает,
Куда лучи его летят,
И даже не предполагает,
Что $E=mc^2$.

Ну, и где здесь поэзия? Обратите внимание, не словами «е равно эм це квадрат», а именно формулой. Право, не знаю...

— Но формулы в обиходе человечества испокон веков, — выбралась из мрачной преисподней через центр Земли на совершенно неземной свет роскошно изданная с многочисленными гравюрами Гюстава Доре книга. — Их писали на песке, на глине, на коре, пергаменте до самой бумаги. Почему же они не могут быть материалом самой высокой поэзии? Мы в свое время считали себя геометрами и использовали математические образы даже при изображении Высших Сил — три равновеликих круга, правда, разных цветом. Что же касается нашего автора, то математические знаки для него естественны и весьма органичны художественным текстам. А в процитированном стихотворении формула получает поэтическое развитие. Читайте дальше: *«и в обращенной светом массе / Бурлит энергия...»*. То есть формула прочитана в обратном порядке и порождает многие смыслы. Ведь речь идет о поэте.

— Давайте вернемся к рукописи, — выскочил перпендикулярный голос с самого верха правой стойки, там, где у нас фантастика, приключения, детективы и самые нелепые измышления о литературе. — Пусть сюжет не фабула, но не кажется ли вам, что интрига недостаточно закручена? Читатель любит напряженность, нестандартные ходы... Действия, наконец. Должно же что-то в романе происходить. А тут какой-то прямо-таки ноль-стиль.

— Смотря какой читатель... — появились из времени больших ожиданий с компасом, лощей, старинными путеводителями, изучая глухие закоулки любимой Родины, разрозненные серые с зеленью большие и малые книги, — Мы тоже читатели, в том числе и своих произведений. Ну, может быть, более квалифицированные. И ищем не внешнюю интригу, отнюдь. Глубокие внутренние напряжения чувств и мыслей доставляют куда большие переживания. Конечно, наш автор ждет подготовленного читателя как соавтора, способного дописать и довообразить намеченное в произведении. Наш автор любит Родину, знает ее не понаслышке и умеет ее описать, но не слишком ли он сдержан?

— Более того, — продолжили мысль великого природописателя классически изданные книги, уставшие от поисков утерянного времени своего литературного героя, но уже отдохнувшие в обществе молодых цветущих женщин, — острая фабула мешает чтению, отвлекая внимание от центрального замысла. Не ориентироваться же нашему автору на поверхностного читателя, захлебывающегося зевотой на экзистенциализме. Но вот спонтанной деятельности сознания у нашего автора маловато...

— Минутку, минутку, — глуховато кашлянула книжка, вернувшаяся из семи путешествий и получившая уроки закавказского языка в Пушкинском доме, — но наш автор

не пренебрегает фабулой. Просто он применяет не частый прием, так сказать, капельной драматургии, включая в ткань прозы достаточно конкретные рассказы. Другое дело, что тут может возникнуть стилевая разногласия.

— Позвольте, — хохотнула разномасштабная старинная книга с великанами, карликами и даже разумными лошадьми, — разве стиль не есть нужное слово на нужном месте? Другое дело — как его найти и определить место, а читателю разобраться: то ли и там ли стоит. Но разные повествования требуют разных слов. И, по-моему, в основном их автор находит. Нет, тут претензий нет. Но вот философская сущность... Без гротеска, знаете ли...

— Давайте попробуем говорить не о философской стороне — она всегда какая-нибудь будет, — а о материале произведения, — вежливо, но решительно отряхнул снег с унт синий восьмитомник, занятый героическими поисками пропавших во льдах экспедиций и личной жизнью советских микробиологов. — Наш автор, судя по всему, знает дело своих героев изнутри, будучи специалистом в описываемой области. Недаром же вон там, в самом низу левой стойки, сто двадцать его научных публикаций. В свое время роман о микробиологах потребовал от нас определенных профессиональных знаний. Пришлось обложиться специальной литературой. И все-таки оказалось, что профессия героев не так важна, главное — человеческие отношения. Не слишком ли конкретен наш автор?

— А как же вы хотите разобраться в борьбе научных идей, поверхностно их понимая? — неопределенного цвета книга, живущая явно не хлебом единым, оторвалась от научной и ненаучной борьбы. — В конце концов, есть же и читатель, научно и технически образованный, для которого формулы и схемы не тайна за семью печатями. Или писать только для гуманитариев?

— Господа, господа, — постучала по обложке темно-зеленая книга, начавшая дискуссию, — мы уходим от художественности — сюжета, композиции, языка, наконец. Есть ли у нашего автора свой язык? Не научные же и не литературоведческие термины определяют художественность! Пока черт не украл Луну, давайте осветим эту важнейшую сторону.

— Свой язык есть хотя бы потому, что наш автор всех нас читал и не повторяется, — заявила книга цвета родной земли, как будто только что выбравшаяся из котлована. — Бережное отношение к прилагательным, природа, данная тонкими точными штрихами и без лишних слов. Вот только индивидуальная звуковая и смысловая окраска, особенно прямой речи, еще требует размышлений.

— Мы говорим о языке написания, о русском языке нашего автора, или о художественном, надстраиваемся над первичным? — две пространные книги левой стойки прервали исследования материи и прозы поэзии, с отвлечением на испанскую прозу. — Образная система далеко не прозрачна, состоит из множества взаимодействующих деталей и требует анализа. Но ясно, что за конкретными историями маячат довольно глубокие и неоднозначные обобщения. И выражено это на приличном по словарному запасу и достаточно грамотном литературном языке без выкрутасов, и окрашено ненавязчивым юмором. Язык хорош, когда хочется читать и не отрываться, а тут, согласитесь, очень даже... Но достаточно ли индивидуален язык каждого героя? Тут нашему автору еще работать и работать.

— Но наш автор не чурается и лексики с ярко выраженной экспрессивной окраской, — зашелестели полностью все деревья поэзии и прозы, занятые братскими отношениями с жизнью и медицинским обеспечением враждующих сторон, стоящие все-таки вместе на видном месте перекладины, на полке поэзии. — Вспомните неожиданное «выпендриваться» или балансирующие на грани нормативности манипуляции с фамилией «Мойхер», не говоря уже о диалектизмах и даже украинизмах. Все это требует простоты, нас не щадящей, и филигранной техники, с которой автор не всегда в ладах...

Неожиданно в беседе наступила пауза. Луна из окна ушла. Звезды не первой величины померцали и угасли в морозном воздухе приблизившегося рассвета. Но яркие продолжали блистать всеми альфами, бетами и гаммами созвездий.

Книги ушли в себя и перелистали собственное мастерство. Литературная техника, затронутая нобелевским автором, волновала всех, но понималась и принималась далеко неоднозначно.

— Техника не что иное, как отражение индивидуальности, — аккуратные коричневатосерые томики выбрались, наконец, с островов страшного архипелага, но оказались в самом начальном круге того же ада. — Основным средством техники является все тот же язык. И прежде всего — первичный. Мы, в свое время, расширили русский язык до известного предела и даже издали соответствующий словарь. Наш автор этого практически не делает. Правда, сочетания слов у него своеобразные. Но без собственных слов или хотя бы возврата к старым с новым прочтением состоится ли самобытный автор?

— Но зато наш автор избежал и неуместной патетики, — делая запись в жалобной книге, отправляя письма деду неизвестно куда и мучаясь раненой птицей в ягодном саду, пожали обложками солидные тома малогабаритных произведений. — Вот только пошлости мало, пошлости... А ее стало куда как много. Слава Богу, наш автор хоть телевизор не включает, кроме новостей.

— Пошлость нынче не ваша спокойная плотская любовь на плоту, — улыбнулась своим коллегам с апельсинами из Африки липовая суперобложка с южного полуострова, ставшего островом, — но агрессивная, и ломится во все щели, двери и окна. Она сама себя так отражает, что нашему автору не стоит и трудиться. Главное, чтобы не был пошл герой. С этой стороны к нашему автору еще нужно приглядеться.

— Но главное, главное... — переходит от словесности к образному мышлению инопланетного разума и незапертых комнат исполнения желаний, в которые так никто и не входит, одинокая книга великого кинематографа, стоящая на переходе от левой стойки к перекладине, — запечатлено ли время? Не слишком ли свободно наш автор перемешивает временные пласты? Получается ли из такой мозаики цельная картина? Правда, если сопоставить скучно-правильных мадонн старых мастеров с многозначной улыбкой «Моны Лизы» или чуть ли не инопланетных «Охотников на снегу» Питера Брейгеля, то кажется, что они из разных эпох...

— Как раз эти картины характеризуют свое сложное время, — по-отечески нахмурились поздние томики стихов, основательно полагающие, что земле — земное, а снег совершенно белый. — Которое, впрочем, простым никогда и не бывает. Поэзия, даже в прозе, — особое восприятие мира. Цельность и острота чувств не требуют ни буквальной правды, ни хронологии. И смотрятся с расстояния. Как сказал наш автор в стихотворении «Импрессионизм»:

Но вам души тончайшие движенья
Моей никак не рассмотреть вблизи —
С дистанции, попутно и в связи,
Во время сложатся мои мгновенья.

Дистанция уже достаточная, действие повествования разворачивается лет сорок-пятьдесят тому назад. Пора бы этим мгновениям сложиться.

— Не совсем так, — альтернативно заиграла принтеровскими страницами, переплетенными пластмассовой спиралькой, рукопись из интернета, свободно прогуливаясь с героями

бессмертных романов. — Наш автор поручил повествование своему герою, находящемуся как раз в своем времени. И для него время распадается именно на мгновения. Фактически роман нашего автора — мениппея, в котором отношения героя с автором сложные и неявные. И, конечно же, присутствует не одно время.

— Время, время... — ритмично закивал песенный сборник, стоящий в некотором отдалении от поэзии и несколько заскучавший от всех этих сложных разговоров. — Как мы популярно пели когда-то: миг между прошлым и будущим...

— Судить о времени — прерогатива самого Времени, — откликнулся вечнозеленый шеститомник в белом венчике из роз с серебряно-вековой фамилией автора, — и возмездия не миновать! Дать форму безначальной звуковой стихии — и значит: запечатлеть время. А удалось ли это нашему автору — само время и покажет.

— Не забывайте, — негромко загремел небывалым мастерством писем к итальянскому другу кремовый двухтомник стихов с ломаной строчкой и фигурой, сидящей на чемодане на суперобложке, — нашему автору довелось родиться в империи и присутствовать при ее гибели. Вблизи такая тектоника обнажает самые разные и, на первый взгляд, случайные пласты неевклидовой геометрии. Кроме того, наш автор вроде бы сомневается в самой категории времени:

В природе времени, наверно, нет,
Есть вечное движение Вселенной...

Мы сами когда-то отправляли время из прибалтийского кафе, но все-таки продолжали смотреть ему вслед подолгу... Мне кажется, что у нашего автора трение души о время высекает не слишком яркие искры.

— Кстати, о времени, — постучала элегантно тростью необычная книжка воспоминаний с бриллиантовым венцом, не обращая внимания на отошедшую борьбу за власть советов, гавриков и белеющие паруса, — наш автор задает временные и географические загадки, предпочитая не давать точных координат. Читателю, а в дальнейшем, возможно, и литературоведам, придется основательно покопаться, чтобы определиться... Но раскодированию, безусловно, подлежит... Например, дремучий парк над чудной рекой, или, скажем, «пятьдесят пятая годовщина Тунгусского метеорита» неожиданно точно определяют место и время действия рассказа, прямо неопределенного. Следует отметить значащие имена и прозвища. Но не сложновато ли?

— Такой прием не только добавляет интеллектуальную интригу, — понимающе кивнула трехтомная теория литературы с левой стойки, занятая стихами, прозой и анализом жизни и творчества Фёдора Ивановича Тютчева, — но и обнажает игровой и пародийный моменты искусства. Помяните мое слово, но и нашу беседу наш автор передаст без имен и названий. Как в книге предыдущего оратора. То-то будет потеха разбираться кто что сказал!

— Не кажется ли вам, — выглянула из какой-то неопределенной крепости книга, потерявшая человека в самом себе, — что следует сосредоточиться, прежде всего, на несовершенствах обсуждаемой рукописи, оставив философию и загадки последующим поколениям, если они сумеют в них разобраться. Авторам полезна суровая критика с точки зрения непрерывного литературного процесса, скачки которого задают гении. Наш автор не юн физически, но в литературе еще очень молод.

— Вопрос о совершенстве далеко не так прост, — с левой стойки чуть заскрежетала сопроматом мягкая обложка известного материаловеда, озабоченного вопросами — почему мы не проваливаемся сквозь пол и почему не ломаются вещи. — Во всяком случае, не следует

понимать совершенство как отсутствие несовершенств. Позвольте небольшую техническую метафору из казалось бы далекой области.

Как известно, реальная прочность материалов порой в десятки раз ниже теоретической, под которой можно понимать усилие отрыва атомов. Причина — несовершенства кристаллической решетки. Один мой аспирант подготовил целую программу выплавки бездефектного металла. И добился цели. Но получил мелкодисперсный кристаллический порошок. Что позволило нашему автору в одной из лекций по своей рабочей специальности заявить, что несовершенства есть способ существования конструкционного материала, и задача ученого и инженера не столько бороться с ними, сколько уметь управлять их качеством и количеством. Не так ли и в литературе?

— Недостатки — продолжение достоинств и наоборот, — нетрезво покачиваясь, вернулась из путешествия в небольшой городок Владимирской области небольшая, но многих книг тяжелей, мятая, цвета кагора, книжка. — Несовершенна жизнь, несовершенны писания... Герой романа может выпить, правда, изредка, просто до блаженного состояния. Но анализа этого состояния мы у нашего автора не находим. А жаль... Он, кажется, вполне способен описать пограничные состояния. Может быть, в дальнейшем?

— Совершенство требует эталона — проводят ночной дозор, так и не разобравшись кто кого охраняет, книги. — В литературе его быть не может, хотя сверять есть с кем. Как-то я нашему автору написал, что его стихи несовершенны. Он, кажется, обиделся и прекратил переписку. Думаю, я был прав — наш автор тогда еще только начинал, однако так неосторожно мне, может быть, и не следовало высказываться. Но что есть совершенство? Даже если бы мы смогли дать математически точное определение — что это такое, вряд ли бы мы его обнаружили. Более того, литература тут же бы и кончилась — куда идти дальше, если достигнут идеал? Нашего автора это мало касается — до идеала он как далеко. Взять хотя бы сцену первой любви...

— Тут уместно вспомнить принцип неопределенности Гейзенберга, — твердо выступила из полки на левой стойке физико-философская книга, исследующая научную неопределенность и информацию, — действующий не только на уровне ядерных процессов. При приближении к цели цель меняется. Также меняется и душевное состояние под скальпелем нашего автора. Он сам обращает внимание на ошибки и извлекает из этого художественную информацию. И я бы даже поставил вопрос — а не слишком ли мало науки?

— Совершенно пишут мастера, — заметил небольшой, элегантно-небрежный томик, — которые на самом деле подмастерья. Несовершенства, как почерк, только расширяют понимание замысла. Следует даже остерегаться правки, чтобы не выплеснуть младенца. А наш автор, кажется, этим злоупотребляет.

— Что-то мы сильно отклонились, — потрясли записками об охотничьем ружьишке, разбираясь в отношениях родителей и их потомков, книги цвета облаков над бежиными лугами. — Интуитивное восприятие читателями романа вряд ли будет сосредоточиваться на достоинствах и недостатках. Того и другого в романе достаточно. Роман, может быть, прежде всего, о любви. Согласитесь, она обычна и, в то же время, очень необычна для русской литературы. Посмотрите, в каких жутких условиях она развивается! Общежития, комнатка в шесть квадратных метров с удобствами во дворе, безденежье, вечные поиски заработков... Все условия для гибели чувства — ан нет! Любовная лодка, используя метафору пролетарского поэта, не разбивается о быт. У героев общая цель — построить жизнь практически с нуля. И на этой войне любовь — их крепкий тыл и в то же время передовая. Поверит ли читатель в такую любовь? Мне кажется, поверит...

— Но современно ли все это? — жует какое-то голубое сало подозрительного цвета книга, стоящая на самом краю перекладки. — Мало того, что в романе нет даже намека на мат, почти нет секса и драк, так еще показана чуть ли не идеальная любовь. В наше время, раздираемое противоречиями, такая гармония...

— Гармония — борьба и единство противоположностей, согласие разногласного, — легкой жизнью из осени в дубовых лесах показалась необыкновенная книга, очень серьезно относящаяся к трали-вали и горько плакавшая во сне. — И этой диалектики в романе достаточно. Но тут любовь героев выступает как более широкое чувство. Как любовь к родителям, к людям, к звездам, ко всей вселенной. И, конечно, любовь к Родине, которую наш автор понимает как чувство, воспитываемое культурой, а не только как наследственный фактор. И если литература имеет и воспитательный аспект, то такую любовь можно только приветствовать. Дай Бог нашему автору понимающего читателя!..

— О каком читателе может идти речь?! — скандально зашумели разноцветные издания в мягких и твердых обложках, но все равно трудно различимые, все-таки примостившиеся наверху правой стойки. — Читатель требует не какой-то скучнейшей прозы или поэзии, а Героя. Действий, а не переживаний, самокопаний и тому подобной мур. И информации — чем больше, тем лучше. Какие действия и события в романе? Разве что в рассказах. И то... У нашего автора, который явно не наш, ничего же фактически не происходит. Нет, широкий читатель вряд ли это будет читать.

— Но вряд ли и нужен так называемый широкий читатель нашему автору, — подала весомый голос из глубины левой стойки неистовая критика. — Другое дело, что литературе нужны не столько гении, сколько авторы, отображающие сегодняшнюю жизнь во всех ее противоречиях. Не без нашей помощи литература уже стала общественным явлением. Решает критика, а не какой-то там читатель. К вашему сведению, в нынешнее время определяет и коммерческий успех. Но тут его явно не будет...

— Вот мы и есть теперь общественное явление, — продолжали голосить детективы из задворков правой стойки и любовные романы в шкафчиках — у нас тиражи, критика, презентации на телевидении — все схвачено, все куплено. Вон, даже перпендикулярная философия есть. Мы к себе нашего автора не возьмем.

— Да он и не пойдет... — задумались голубоватые книжечки, так и не сварившие детеныша козла в молоке, но продолжавшие дудеть в гипсовые трубы. — И тут еще большой вопрос — пойдет ли рукопись нашего автора в печать? Или будет издана тиражом пару сотен экземпляров на средства автора?

— О чем вы говорите?! — воскликнули книги самого сатанинского цвета. — О пойти не может быть и речи! Когда все посты в искусстве заняты, извините за выражение, образованцами всяких профильных институтов и факультетов и министрами-шоуменами. Нет-нет, этим страницам долго лежать и желтеть в столе. До лучших времен...

— Которые, может быть, никогда и не наступят... — желчно закончили дискуссию печальные письма о Родине, прислонясь к томам Основоположника.

— Разговор далеко не окончен, — темно-зеленая книга начала закрываться. — Множество тем, возбужденных нашим автором, мы не обсудили, еще очень многие авторы хотят высказаться, но нам следует перейти в другую тональность. Вон, Хозяин уже ворочается в быстром сне. Черт знает, что ему там снится. Утро, господи, утро...

Хозяин вскочил и, толком не проснувшись, не убрав постель, не сделав зарядки, не приняв холодный душ, не выпив первую чашечку кофе, кинулся к рукописи и забегал из угла

в угол. Господи, сколько нужно переделать, убрать, добавить, исправить, а то и вообще переписать!

А книги продолжали обсуждение, но уже беззвучно. Потому что они разговаривают всегда — и днем, и ночью, и в будни, и в праздники. И даже в ночь под Рождество, когда и состоялся этот разговор.

Сам слышал.

Виктор Петрович Астафьев (1.05.1924–29.11.2001) — наш великий русский советский писатель родом из села Овсянка Красноярского края, фронтовик, сильно пострадавший на войне, автор 15-ти томов сочинений, среди которых знаменитые книги «Печальный детектив», «Последний поклон», «Затеси», «Царь-Рыба», «Прокляты и убиты». Мне повезло переписываться и дружить с ним, в конце 80-х годов, когда я еще жила в Рязани, и потом, в 90-х и нулевых годах, когда я переехала жить в Москву. А встретились мы с ним впервые в 1990 году, в Москве, на съезде писателей РСФСР, и потом встречались, в Москве у его друзей и у меня дома, куда он приезжал с друзьями. Встречались мы и в Красноярске, и в Овсянке, на «Литературных встречах в русской провинции», на Астафьевских чтениях, в 1998 и 2000 годах, и вместе выступали на конференции в Красноярске, и на вечерах в домах культуры в Енисейске и Дивногорске. Предлагаю читателям журнала «Зинзивер» письма Виктора Астафьева ко мне, которые он писал мне с 1987 по 2000 год, до самой смерти, вернее — до своей тяжелой болезни, пока мог писать, и которые я храню не только в своей душе, но и в своем архиве.

Нина КРАСНОВА

21 октября 2025 г.,
Москва

ПИСЬМА /1987–2000/

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Рязань, на ул. Новоселов, открытка с видом Иркутска, «Художественный музей», 1 марта 1987 г. /

Дорогая Нина!

С весной! С бабьим праздником тебя! Большое спасибо за книгу */речь идет о моей книге «Потерянное кольцо», которую я послала В. Астафьеву. — Н. К./*. Она несет радость сердцу и какое-то ощущение родства, хотя живем далеко друг от дружки.

Береги себя, милая! Не дай себя растлить, стоптать, ржавчине блудословия сопротивляйся, сохрани русскую душу */интернационалистов у нас и так много/*.

Храни тебя БОГ!

Обнимаю тебя, как старший брат.

В. АСТАФЬЕВ

1 марта 1987 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ к письму — книга В. Астафьева «ЗАТЕСИ» /Красноярское книжное издательство, 1982/ с таким автографом:

Нине Красновой —
урожденной поэтессе и россиянке
с поклоном из Сибири
и пожеланием остаться самой собой
/что не так просто в наше время/.

В. АСТАФЬЕВ

1 марта 1987 г.,
Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из Красноярска в Рязань, на ул. Новоселов, открытка с видом Загорска, «Троице-Сергиева лавра», 6 мая 1987 г./

Дорогая Нина!

Какое замечательное письмо написали Вы мне. А время — тяжелое — начала поправляться моя жена, и сразу же я приболел — сердце, самый был мой надежный струмент.

Если бы Вы не описали жизнь свою и не сообщили, что у Вас был муж-алкоголик, я бы по письму судил, что его писала юная девушка... Вот и дай Вам Бог сохранить это ощущение вечной юности, а то старым худо быть, я на себе это ощущать начал, а был вечно неунываем и говорил: «Когда помру, из-под земли еще неделю будет мой хохот доноситься...» Увы, увy!

Бог даст, все у нас наладится, и мы все-таки соберемся к Есенину и повидаем Вас.

Ваш В. П.

6 мая 1987 г.
Красноярск

ПРИЛОЖЕНИЕ к письму — книга В. Астафьева «Военные страницы» /М., «Молодая гвардия», 1986/, с таким автографом:

НИНЕ КРАСНОВОЙ

Мне очень захотелось подарить Вам
именно эту книгу,
где еще живо ощущение молодости и оптимизма
среди людских страданий,
сохраняемого русским сердцем,
таким всеобъемлющим и способным еще на сострадание.

В. АСТАФЬЕВ

6 мая 1987 г.
Красноярск

*ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из Красноярска в Рязань, на ул. Новоселов, 14 августа 1987 г./*

Дорогая Нина!

Жизнь идет и толкается под микитки. Остановки нет, и лето вот только что начало налаживаться, но я зато поработал маленько. Недавно в деревне был и перечитал ВСЕ! ВАШИ! ПРЕЛЕСТНЫЕ ПИСЬМА!

Увы, сентябрь и октябрь меня дома не будет, уезжаю в Словакию, а затем в Ленинград, и надолго. Зимой, но скорее весной все же соберусь в Рязань, а пока желаю Вам успешной поездки в Польшу, съездите «к Шопену» — это неподалеку от Варшавы, и если удастся — в усадьбу Потоцких, под Жешувом, там я бывал и в войну, и после, а ранен я последний раз в Карпатах, под городом Дуклей, в котором родилась Марина Мнишек.

Поклон Вашей маме и сестре.

Извините за торопливость. И тороплюсь-то... думаете, на свидание? Да нет, на уколы, в больницу. Но они, слава богу, уже заканчиваются, и я смогу съездить в лес и быть в деревне.

Успехов Вам и здоровья!

Виктор Петрович.

11 августа 1987 г.
Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из с. Овсянка Красноярского края в Рязань, на ул. Новоселов, открытка с видом Сибири, «Заповедник «Столбы» — вид на Горгашинский хребет», 28 июля 1988 г./

Дорогая Нина!

Ваше письмо все лежало и лежало на столе, а у меня ни сил, ни желания за стол садиться. Опять плохое лето/третье подряд/ — дождливое, холодное — я перемогаясь. Хорошо, что в деревне есть изба, топлю печь, греюсь, сушусь. В городских клетушках-блоках с моими легкими в такую сырость — одна погибель.

19 августа год со дня смерти моей доченьки, и это такая тяжесть... Работать не могу, да и остальное все угнетает. Но я опять упорно собираюсь в сентябре к Есенину, может, хоть на этот раз ничто не помешает.

Кланяюсь Вашей маме, сестре.

Вас, если позволяете, — обниму.

В. П.

28 июля 1988 г.

с. Овсянка

ПРИЛОЖЕНИЕ к письму — книга В. Астафьева «Падение листа» /М., «Советский писатель», 1988/, с таким автографом:

НИНЕ КРАСНОВОЙ в Рязань,
из Овсянки поклон
и пожелание всего только доброго,
и много-много работы по сердцу.

В. АСТАФЬЕВ

28 июля 1988 г.

с. Овсянка

Да! В сборник «Час России» удалось поместить и Ваше стихотворение. Сборник получился хороший.

В. П.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из с. Овсянка Красноярского края в Рязань, на ул. Новоселов, открытка с лиловыми фотолилиями, 1 сентября 1988 г./

Дорогая Нина!

Получил, как всегда, прелестное Ваше письмо. Спасибо! Спасибо!

Лето у нас так почти и не наладилось, в августе постояло 15 дней погожих, да до этого было вразброс дней 10–12, и вот подступила уже осень. Снова надо ждать весны!

А в Рязань, кажется, я на этот раз не попаду — 10-го улетаю в Киев и оттуда в Москву. Выйдет ли поездка, неведомо.

Кланяюсь, обнимаю.

Васе Золотову */главе рязанских писателей. — Н. К./* — поклон.

Виктор Петрович

31 августа 1988 г.

с. Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Рязань, на ул. Новоселов, открытка с видом Сибири, «Заповедник "Столбы" — вид со смотровой площадки», 5 октября 1988 г./

Дорогая Нина!

Я совсем замотался с поездками этими и запутался с книгами, во все стороны их посылаючи. Я послал Вам «Зрячий посох» или нет? Если не послал, то напишите — пришлю. Напишите, не затягивая. В конце октября мы с Марьей Семёновной уезжаем далеко и надолго. Мне надо начинать работать, а дома не дают.

К Есенину бандой в сто душ нельзя ездить. Я в такие места предпочитаю ездить один и молча там быть, а не гомонить. И, Бог даст, еще соберусь.

Ваш Виктор Петрович

5 октября 1988 г.

Красноярск

В ответ на письмо — книга В. Астафьева «Зрячий посох» /М., «Современник», 1988/, с таким автографом:

НИНЕ КРАСНОВОЙ

из далекой Сибири

поклон совсем недалекий, а низкий, земной. —

В. АСТАФЬЕВ

Октябрь 1988 г.

Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Коллективный сборник «Час России», составленный Виктором Астафьевым и Романом Солнцевым, рецензент Н. Старишинов, антология одного стихотворения поэтов России, М., «Современник», 1988/

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ «ГОЛОСА РОДНОЙ РОССИИ»

...давно возникла у меня потребность /.../ открыть нашим читателям разбросанную по необъятным российским просторам хотя бы часть той, настоящей литературы, которая затерялась, утонула в потоке серого многокнижья. Но работа эта очень большая, сложная, в одиночку мне ее не одолеть. И тогда пришло ко мне решение — составить книгу хотя бы «Одного стихотворения» россиян, ориентируясь при этом в основном на профессионально работающих поэтов, ибо любительской поэзии у нас такой мутный поток, что он любую книгу, любой сборник размоет и разнесет «в клочья». Разумеется, и замысел мой, и осуществление его — рассчитаны на людей, стремящихся научиться читать, а не на тех, про кого еще в прошлом веке уничижительно говорил Некрасов: «Дураков не убавим в России, а на умных тоску наведем».

К этой, как потом оказалось, не очень простой задаче или затее — как хотите, так ее и называйте, с большой заинтересованностью отнесся мой младший сотоварищ по труду, поэт и драматург Роман Солнцев, ко вкусу и читательской культуре которого я отношусь с доверием, во всяком случае, они во многом у нас совпадают. /.../

...задача нашего сборника /.../ — «популяризаторская». Хотя бы одним стихотворением стремимся мы представить в большинстве своем малоизвестных, а то и вовсе неизвестных поэтов. Мы далеки от мысли, что нам удалось охватить всех и все, что за «бортом» сборника не осталось еще много и много замечательных произведений поэзии, но присутствие в сборнике давно и высокопрофессионально работающих поэтов России /.../ или «открытые» нами в процессе читки стихов и составления сборника — Ольга Афремова, Александр Гусев, Валентин Ткачев, Владимир Переверзев, Александр Хромов, Александр Глазырин, Нина Краснова, Раиса Котовская и многие-многие другие — принесло нам радость соприкосновения с той самой, во все времена редко встречающейся, ценностью, что зовется «творческая индивидуальность», о которой вроде бы тоскует, ищет ее наш массовый читатель, но спрашивает тех, кто сей год, лучше — сей момент — находится на гребне изменчивой, капризной волны, название которой «мода». /.../

Работая над этой книгой, я все время ощущал чувство вины, и мучало меня сознание, что дотронулся лишь до верхушки айсберга, сахарно-белого, целинного, по-настоящему глубоко и широко еще не тронутого ни издательскими машинами, ни критическим пером.

Виктор АСТАФЬЕВ

В коллективный сборник «Час России» вошли и стихи моей старшей сестры Татьяны Красновой, которые я посылала Виктору Астафьеву и Роману Солнцеву от Рязанского отделения Союза писателей СССР в 1985 г., по просьбе главы СП Валентина Сафонова. — Н. К. 21.10.2025.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Рязань, на ул. Новоселов, 13 ноября 1989 г./

Дорогая Нина!

Вот все, что я смог сочинить /В. Астафьев прислал мне, по моей просьбе, напутствие литературной газете «Рязанское узорочье», членом редколлегии которой я являлась. — **Н. К.**/. Недавно из Америки прилетел. Устал от дороги, насадил душу, сравнивая их жизнь с нашей. Жить не хочется, только дети-сироты /от умершей дочери В. Астафьева. — **Н. К.**/ и держат на этом свете. Их у нас двое, и они еще малы. Пробую погрузиться в глубь своего замученного романа о войне и забыться в работе, спастись ею, как не раз уже спасался.

Спасибо за книгу /«Плач по рекам», М., «Современник», 1989, — **Н. К.**/, за привет.

Поклон Васе Золотову* и Вале Сафонову**, а отдельно маме и сестре Вашей.

Кланяюсь —

Виктор Петрович.

13 ноября 1989 г.

Красноярск

НАПУТСТВИЕ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА «РЯЗАНСКОМУ УЗОРОЧЬЮ»

/№ 2, январь — март 1990 г./:

Верую, пока живет Россия, будет жить и ее великий певец — Сергей Есенин, и никакие «голоса» заморские и тутошние, никакие изощренные наветы, никакая современная грязь не пристанут к его памяти, не испачкают его светлого лика и не затмят его святого слова, молитвы его во славу России и русского народа!

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

1989 г.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Рязань, на ул. Новоселов, открытка с видом Сибири, «Заповедник "Столбы" — скала «1 Столб», 25 января 1991 г./

Дорогая Нина!

Никак не соберусь написать тебе большое письмо, заела текучка, и вот пишу на открытке с видом, который за Енисеем под морозным солнцем видится из окна моего кабинета.

* Василий Золотов — рязанский писатель, который дружил с Виктором Астафьевым. — **Н. К.** 21.10.2025.

** Валентин Сафонов — рязанский писатель, глава Рязанского отделения Союза писателей СССР. — **Н. К.** 21.10.2025.

Приехавши домой, застал я все семейство больным и, пока ставил народ на ноги, сам приболел и с недельку пролежал в постелях. А потом — бумаги! Суета! Новости политические и житейские, одна другой хлеще, — «покоя нет, покоя нет и долго, видимо, не будет!» — сказал кто-то из современных поэтов. И в точку!

Сейчас я готовлю 3-й, 4-й том собрания сочинений, куда входят «Последний поклон» и «Затеси». Первый том уже вышел, началась подписка. Не прозевай!

Часто в тиши ночной под стук и вой ветра да шелест снега нежно вспоминаю тебя и мечтаю о новой встрече где-нибудь на Земле*.

Целую тебя всюду и много раз.

В. П.

Надпись В. Астафьева на подаренной им Нине Красновой книге «Улыбка волчицы» /М., изд. «Книжная палата», 1990/:

Дорогой и нежной рязаночке —
НИНЕ КРАСНОВОЙ,
что на исходе дня сверкнула в моей жизни
хлебозарной зарницей. —
Да святится имя твое, создатель!
Да воздастся тебе за щедроты твои ко мне!
Аминь.
От чалдона —

В. АСТАФЬЕВ

17 декабря 1990 г.
Москва

*ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из Красноярска в Рязань, на ул. Новоселов, 28 марта 1991 г./*

Милая, славная рязанская труженица!

Получил я твое письмо и стих. Стих-то я прочел еще раньше, в «Лит. России», и улыбнулся, прочитав, что отныне ничего ты земного себе не позволишь и будешь вкушать только пищу небесную, святую, а о земном-то лишь вспомнишь иногда. Ну, думаю, совсем дева затосковала, памятуя, что когда Ваш брат говорит приставале — нет, это обозначает — да! И я раньше-то, во младости-то, так ведь и думал. И сколько ж удовольствия пропустил, и скольких же в недоумение и в разочарование вбил! Эко место!

* С Виктором Петровичем Астафьевым мы впервые за много лет нашей переписки встретились в 1990 году, в Москве, на съезде писателей РСФСР, куда я приехала из Рязани, как делегат съезда, а Виктор Петрович — из Красноярска. И мы были в гостях у известного кинооператора Анатолия Заболоцкого, друга Виктора Астафьева. — **Н.К.** 21.10.2025.

Вот бы сейчас бы быть тебе поближе, так проверил бы твои поэтические метафоры — на какой почве они зиждутся? И сам же почву бы поколебал, авось слово-то, как воробей, и улетучилось бы, а смысл остался, да и ко смыслу все остальное.

И хотя весна у нас не торопится, все еще холодно, снежно, зимно, ан весенние «мотивы» и ко мне, преклонному мужчине, подступают, а уж к тебе, бабе в самом распале, и вовсе они с жаром подступают...

Ну, не буду, не буду!

Работаю, совсем скоро одолею первую книгу романа. Жду вот рукопись с машинки, чтобы еще раз по ней пройти, уточнить, утрясти, подчистить, да и... за вторую книгу приниматься, коли разгон взял.

Видел тут фотографию рязанцев в одной газете и тебя на заднем плане узрел. Ах, Сибирь-матушка, далека она от земель, на которых живут такие славные люди, как ты, инда и на крылышках улетел бы, да нетути их, и времени тоже нет.

Скорей бы весна. На рыбалку слетаю, отдохну в тайге.

Будешь ли ты на съезде СП СССР, который в мае? Если будешь, я, может, и прилечу, а коли нет, то и не полечу. Какое-то у меня сейчас после недолгой хвори сонное состояние. Устал чего-то. Я узнаю у Толи Заболоцкого — один он будет в мае или с матушкой. Сейчас-то она у него там домовничает, а он оформляет книгу моих «Затесей». Рад, что они тебе понравились и мои /не мои, это ж документально/ выражения некультурные тебя не поколебят, а то вон культурные дамочки пишут: «Куда идешь? Чему молодежь учишь?»

Ох, поболтать бы с тобой, а лучше бы приобнять, но не буду, не буду. Пишу среди ночи, вот и мутят мое хлипкое сознание всякие фантазии.

А все ж целую крепко, крепко.

Твой — Вик. Петров.
/В. АСТАФЬЕВ/

27 марта 1991 г.
Красноярск

У меня новый номер телефона, на всякий случай — 25–49–84.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из с. Овсянка Красноярского края в Рязань, 27 мая 1991 г./

Дорогая Нина!

Я сижу уже две недели в деревне. Погоды у нас нет, все холода да дожди, дожди, снег да холода. Еще и картошки не посадил, но земля вскопана. Был у меня в гостях норвежский художник и, показав на вскопанный огород, спросил: «Что это такое черное?» — «Земля». — «И много у вас такой земли?» — «Вся Сибирь, плюс Кубань, Украина, центр России и почти все Поволжье». — «М-да, ошибся Кеннеди, сказав, что надо правителям вашим быть гениальными, чтобы оставить такую страну голодной, нет, вашим правителям надо быть сверхгениальными, чтобы оставить такую страну голодной...»

Что-то я приехал в деревню совсем растерзанный, и ничего-то мне не хочется делать, даже письма писать сил и охоты нету. Только спать хочется все время. И тетка тяжело болеет, уже не встает. Ей 84 года, и как она, после всех житейских мук, дотянула до этого

срока — одному Богу известно. Ох, и тяжела старость! Тетка еще и ослепла совсем и часто повторяет: «Вот до старости дожила, как бы теперь до смерти дожить».

Мне в тайгу съездить не удалось, опоздал, т.е. был и тут же вернулся, не порыбачив, не набравшись кислорода и оптимизма.

Сейчас со мною здесь внучка Поля, где-то бегает с соседом Мишкой и забот не знает. Перешла во второй класс, стряхнула с себя до осени все заботы и хлопоты.

Я давно собирался написать тебе, что-нибудь ободряюще-смешное, да все как-то не то на душе, а вот была бы рядом... Сейчас ведь и по отделу пропаганды СП вроде бы никого и никуда не посылают? А то ездили на заработки к нам тут целые артели. Посмотрела б мое село, погутарили бы в час сумеречный и тихий.

Насчет съезда слухи разноречивы, думаю, что не до него сейчас, скорей всего до осени дотянут.

У нас из-за дождей и снега — нынче огромное количество подосиновиков, земля в пене цветов, а в огороде еще ничего не растет, и на деревьях маленькие листья, да робко цветет черемуха, хотя вчера была троица, когда-то родовой, престольный праздник нашего села. Ни села, ни праздника — почти полностью занята дачниками-ворами наша деревня, все всем чужие, недружелюбные, все друг от друга прячутся, все друг друга боятся.

«Все васильки, васильки, Боже, куда мне деваться?»... Это из «Сумасшедшего» Апухтина. Перечитай... прекрасное и очень современное стихотворение.

Вышел первый том моего собрания сочинений, в производстве второй, даст Бог, в Москве я тебе его подарю. Я, как буду собираться в столицу, не знаю только, когда, так заранее тебя извещу, ладно?

А пока целую тыщу раз в одно и то же место и желаю тебе много стихов и строк по сердцу, а также и здоровья на долгие дни и годы.

Маме и сестрице твоим поклоны. Васе и Валентину /Золотову и Сафонову. — **Н.К.**/ тоже.

Ну вот пока и все, всегда твой —

Виктор Петрович
/В. АСТАФЬЕВ/

28 мая 1991 г.

с. Овсянка

663081,
Красноярский край,
Дивногорский р-н,
село Овсянка,
ул. Щетинкина, 26,
телефон 7-67 /через Дивногорск/ —

пиши сюда сколько хочешь и чего хочешь, присылай стихи.

В. П.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из Овсянки в Рязань, на ул. Новоселов, 15 июля 1991 г./

Дорогая Нина!

Ты оказалась рязанским пророком.

Отоспавшись и отдохнув в деревне и обнаружив, что погода не благоприятствует праздному времяпровождению, я присел к столу, а присевши ненадолго, разошелся, раздухарился, пары поднял и закончил «Последний поклон», написав две больших, заключительных главы.

За это время погода наладилась маленько, и я решил побродить по лесу, снова наладить сон и собраться на Алтай, где будут проходить Шукшинско-Соболевские чтения, но не столь они меня зовут и тянут, как вопли моего фронтового дружка, который стареет, болеет и кличет его навестить. У меня он бывал не один раз, а я у него ни разу.

Ну вот, грежу, значит, я Алтаем, а тут раз мне! приглашение в романтическую страну — Шотландию, на конгресс какой-то, и я не решился отказаться — лететь недалеко, с залетом в Англию, это, где я не бывал, кроме того погода так и не наладилась, так все у нас и дождливо, и холодно. Я в деревне уже подустал одиночить и от напряженной рыбалки утомился, надо встряхнуться, да и тебя повидать есть возможность. Вылет из Москвы 17-го Августа, я постараюсь прилететь пятнадцатого, о чем тебя извещу. О деньгах не беспокойся, они у меня есть, а покупать на них нечего. /Деньгами В. Астафьева я не воспользовалась. — **Н. К.**/ Остановлюсь у Толи Заболоцкого, место тебе известное.

Сейчас я пишу, почти уже написал и сегодня выправил доклад для конгресса и завтра отчали в город, поделаю кой-какие дела, хотя бы подстригусь, а то оброс, как старый пень, мохом, и 16-го улечу в Барнаул, билет уже есть.

Все письма твои и стихи получил. Про «Дуньку в Европе»^{*} прочел, теперь вот еще Ванька, это я, в Европу двинется, да еще и с докладом.

За роман я не брался, только вписывал отдельные кусочки. Хватило мороки и трудов с «Поклоном», ну и мелочи всякие-разные делал. Куда от них денешься?

Готовь дело к Москве, и тело тоже.

Целую нежно и горячо!

Твой — Виктор Петрович
/В. АСТАФЬЕВ/

12 июля 1991 г. — Петров день!
с. Овсянка

^{*} «Дунька в Европе» — мой дневниковый роман (1126 страниц на машинке), который я написала в 1987–1989 гг. о моей первой поездке от Иностранной комиссии СП СССР за границу, в Польшу, в 1987 году, на праздник Варшавская Осень Поэзии». Этот роман — в жанре «горячей прозы» — должен был выйти в издательстве «Советский писатель», в 1992 году, с положительной внутренней рецензией Владимира Солоухина, который говорил мне: «Когда твой роман выйдет, ты получишь большой гонорар и станешь фон-бароном и сразу обретишь имя в литературном мире». Но мой труд пролежал в плане редподготовки около трех лет и так и не вышел, потому что редактор Матусевич не смог прочитать его. А вскоре издательство перестало существовать. И только в 2000 году «моя «Дунька в Европе» вышла в 12-ти номерах журнала Юрия Кувалдина «Наша улица», превратившись из «горячей прозы» в историческую. Кувалдин говорил сотрудникам «Нового мира»: «Вы печатайте у себя Солженицына, а я буду во всех номерах «Нашей улицы» печатать Краснову». — **Н. К.** 21.10.2025.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Рязань, на ул. Шевченко, телеграмма, 13 августа 1991 г./

РЯЗАНЬ 29 ШЕВЧЕНКО/.../
КРАСНОВОЙ

= БУДУ МОСКВЕ ПЯТНАДЦАТОГО ОСТАНОВЛЮСЬ ЗАБОЛОЦКОГО
ТЕЛЕФОН / ... / = АСТАФЬЕВ

13/8–91

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Рязань, на ул. Новоселов, 17 октября 1991 г./

Ниночка-картиночка!
Рязаночка удалая!
Разлюбезная поэтесса и...

Или я чем тебя обидел, или слово неловкое сказал?

Нет от тебя ни большой, ни малой весточки. Вот увидел в газете перечисление поэтов на Есенинском празднике, а тебя среди них нету. Уж не заболела ли? Не переломила ли опять в себе и на себе чего? Не дай Бог! /Перед этим я случайно сломала себе ногу, на ровном месте, косточку мизинца, но все у меня прошло. — **Н.К.**/ Или переезжаешь /из Рязани в Москву. — **Н.К.**/ Или так углубилась в поэзию, что уж и не до писем. Может, ты боишься писать ко мне домой? Тогда вот тебе «резервный адрес» /.../.

2-го ноября, если буду здоров, я собираюсь быть в Москве, в гостинице «Октябрьской», Толя, если будет дома, будет знать, где я. Я тебе дам телеграмму, ладно?

Целую тебя, как хочешь и куда хочешь.

Нежно тебя вспоминающий, всего тебе доброго желающий —

В. П.

16 октября 1991 г.
Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Рязань, на ул. Новоселов, новогодняя открытка с Дедом Морозом,
22 декабря 1991 г./

Дорогая Ниночка-Корзиночка!

Этот симпатичный дедушка-сибиряк на обложке есть истинный сибиряк, и он шлет тебе новогодний привет, трясет бородой и дарит сосульку, поскольку больше ничего на прилавке нету. Здоровья! Стихов! Радостей сердечных! А хлеба в очередях добудешь, мясо в кино увидишь, капусту и картошку в поле вырастишь, если все мы доживем до будущей весны.

Я получил два твоих письма. Для меня К/.../у не посылай заказные, а то ему на почту надо бегать, а он уж забегался на службу и по бабам, поскольку холост.

Не писал я тебе оттого, что ничего не могу писать, не мог, точнее, но съездил на 9 дней в лесной санаторий, поспал там, на снег белый поглядел, погулял и немного отошел. За все за это мне пришлось дважды выступать, но куда же денешься, за блага надо платить.

Сейчас начинаю пристраиваться к столу и разбегаться на новогодних поздравлениях, авось и работать начну, тогда легче будет на сердце и в жизни. Без работы я нехороший, а без тебя и совсем плох, даже в мужики не гожусь.

С Новым годом! С Новым счастьем!

Целую 100..... раз!

В. П.

22 декабря 1991 г.

Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Рязань, на ул. Новоселов, 28 апреля 1992 г./

Дорогая Ниночка — рязанская картиночка!

Каждый день собираюсь тебе написать, но к вечеру уже не остается сил ни на что, в том числе и на письмо. Я штурмую, точнее уже доштурмовываю первую книгу романа, делаю последнюю, пятую редакцию, затем на машинку, вычитка, маникюр и педикюр в рукописи произведу. И все! Буду сдавать в журнал, думаю, в апреле сдам. И тогда до осени буду отдыхать, собираться с силами. Очень устал. Очень. Прыть-то все еще молодая, а ресурс уже не тот. Но книга получается, только тебе и скажу, кажется, выдающаяся, во всяком разе такой еще никто не писал. Если вытяну все три книги, думаю, это будет не только моим событием.

Я с радостью и грустью читал твои письма, так бы и утешил, прежде всего себя, эгоиста, да далековато, энтой штукой не достанешь. И съезда, кажется, не будет, он стоит уже 15 миллионов, а в кассе СП все пропито, из 140 миллионов, оставленных в кассе Иваном-Калитой, партокротом Марковым, осталось 6! Во, б.я, ребята гуляют! А у тебя на хлеб нету. Я так разозлился на всю эту хевру, борющуюся за Россию на роскошных домах Пахры и Переделкина, что вышел из Союза и во всевозможные инстанции написал, чтоб меня не зачисляли никуда и моей спиной свою жульническую деятельность не прикрывали, и демагогию, тоже дешевую, моим именем не сдабривали.

Как бы хотелось тебя обнять, утешить и... помочь тебе. Совсем туго будет, а будет, знаю, о р и — услышу!

Если случится оказия и я поеду куда-либо через Москву, дам тебе знать, а сейчас уже полночь, в голове звенит от перенапряжения, буду принимать снотворное и ложиться. Завтра поеду в библиотеку делать сверки всякие по роману, искать в старых газетах сводки 42-го года, знаю, что они лживые, расстроюсь, но надо одну-две вставить в роман.

На Украине умерла чудо-женщина, тоже поэтесса, выдержавшая три операции на сердце у Амосова и до того изрезанная, что на четвертую он ее уже не принял. Я познакомился с нею, когда она уже не могла почти ходить, что-то делать, но так хотела жить, что все

обещала меня свозить на свою родину, в Подолье, где я воевал, и подарила мне открытку с родных мест, а я ее дарю тебе, как символ прекрасного, которое я видел разбитым, сожженным и увижу ли теперь вживе? На Украине происходят сложные процессы возрождения, ну и, конечно, не без хохляцкой дури, не без гонора. Друзья мои, и их у меня на Украине много, тяжело переживают отторжение двух народов, которым никак невозможно расторгнуться, думаю, что в муках, в ошибках, в смуте /только бы не в крови/ пройдет немало времени и образуются два Великих, но усталых государства — Россия и Украина, только нас уже не будет на этом свете и мы не увидим, как свободные люди могут по-соседски спокойно и свободно жить, каждый своей семьей, не только Россия и Украина, но и мир Божий, у нас всегда были и есть силы, способные и жаждущие за полу кафтана стащить в яму или в прорубь вместе с собой всех, кто живет вокруг и радуется жизни.

Ну вот, не от ума уже в рассуждения ударился.

Целую тебя всю и все, до самого до низу и с низу до верху.

Не падай духом, пиши знай! Стихи и письма мне, только на конверте не указывай, что для меня, поселок у нас маленький, все знают меня как облупленного, и подумают, чего это письма идут К/.../у, а для кого-то... Пиши просто К/.../у, он отдаст.

Ну, еще и еще раз на сон грядущий целую, к сердцу прижимаю и всего, всего хорошего желаю.

Твой — Вик. Петров-сын.

26 февраля 1992 г.

Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Рязань, на ул. Новоселов, 10 апреля 1992 г./

Нина!

Закончил я, слава Богу, рукопись, осталось просмотреть последнюю перепечатку с машинки, и на той неделе отправлю рукопись в журнал.

Сразу же улечу на Урал, чтобы прийти в себя, оторваться от стола и дома мне совершенно необходимо, а на Урал давно тянет память и могила нашей маленькой дочки. Попытаюсь вернуться к празднику, но уже тогда не успею поздравить тебя с праздником, и вот мне в бумагах попался китайский цветочек и конверт, в самый раз на нем с весной поздравить. Вот это я и делаю, желая тебе доброго здоровья и хоть какого-то хлеба насущного. У нас многие члены Союза пошли служить, из тех, кто еще служить в состоянии. Но большинство-то немощные и беспомощные старики, которые ничем другим, кроме как членами Союза, нахлебниками у Литфонда быть не могут. Горе это ощутилось лишь сейчас.

А у нас еще и третий год весны нету. Вот 10-е апреля, а было всего лишь 2–3 дня, похожих на весенние. Раньше мы могли хоть в Ялту, хоть куда на юга поехать, чтобы поскорее встретить тепло и, обычно, переживали две весны, или продляли тихую осень. Бывало это нечасто, но во дни такой вот усталости, как сейчас, мне это помогало, а ныне мы на якоре,

связаны по рукам и ногам нашими детьми, которые ничего этого, слава Богу, не понимают и поймут ли когда, что отнята у нас спокойная старость?..

Ну, ладно, это от усталости. Была бы рядом ты, сняла бы усталость, наладила сон и все прочее, но до съезда, вроде бы его обещают в середине июня твердо, будем дюжить и мечтать.

Нежно тебя целую, цветочек рязанский. Всегда будь!

Твой — Виктор Петрович

10 апреля 1992 г.
Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из Овсянки в Рязань, на ул. Новоселов, 24 мая 1992 г./

Дорогая Нина!

Я в Овсянке. Досаживаем огород. У нас сделалось тепло. Все цветет. Собираюсь на съезд и зову тебя в Москву. О деньгах не беспокойся. Найдем! */Все обошлось без них, они не понадобились. — Н.К./* На всякий случай тебе телефон моего друга Капустина Евгения Фёдоровича, жена — Юлия Фёдоровна — */.../*, это если Толя дома не будет, да и мать сейчас с ним живет, ну и в гостинице в какой будем, ты сможешь узнать.

Целую и жду —

Виктор Петрович /В. АСТАФЬЕВ/

24 мая 1992 г.
Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из Овсянки в Рязань, на ул. Новоселов, 16 июля 1992 г./

Поклон из Сибири!
Аж из самой глубины!
Из села Овсянки!

Дорогая Ниночка-корзиночка, рязанский подснежник кремковый, надеюсь, ты уже отсердилась на меня?

В гостинице мне жить никогда одному не давали, хорошо еще, что не приехали мои ближайшие друзья и мы имели возможность хоть разок ладом встретиться, а то бы и не нашла меня в моей-то комнате, иль нашла бы в толпе людей.

Я простыл на московских сквозняках. Какое-то время в Овсянке отсиживался, отлеживался и приходил в себя после этого колхозного собрания, громко именуемого съездом. Отчихался, работа приспела — надо было писать предисловие к собранию сочинений, срочно, осенью будет некогда, начну работать над второй книгой романа */собираюсь/*, да и предисловие в сентябре надо сдавать. Разошелся, расписался, вчера только кончил — полтора-ста страниц черновика накатал. Сдам на машинку и двину на Алтай, на Шукшинско-

Соболевских чтениях побываю, да с неделю поживу в хорошем селе, где уже находится моя внучка. Она тут жила со мною и держала меня в постоянном напряжении, теперь вот в чужом селе, среди чужих людей, но существо она коммуникабельное, бегучее и разбросанное, так не знаю, как она там. Авось выживет.

В городе я не был уже более месяца, и не знаю, есть ли от тебя вести? Если нет, значит обсердилась. Не надо. Это бесполезно на меня сердиться-то, ничего не поправишь, только душу надорвешь.

Предлагали мне ехать «На Лермонтова» в Пензу, но середина лета, жарко, и я боюсь из деревенского дома выходить на российские, очень ныне губительные сквозняки. Сегодня ночью видел тебя во сне, очень даже сексуально все виделось. Кончил вот работу, и блуд начался в крови и в голове.

Теперь я здесь окажусь только в середине августа, приезжает сын с внуком, будем отмечать горькую дату — пять лет со дня кончины дочки. Вчера я был на ее могилке. Тихо у нее, цветы на могиле цветут, и шмель на них жужжит и хоботом пыльцу иль мед собирает... Жизнь продолжается.

Не сердись! Целую тебя нежно —

В. П.

16 июля 1992 г.

с. Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Рязань, на ул. Новоселов, 28 октября 1992 г./

Дорогая Нина!
Ниночка-корзиночка,
рязанская картиночка,
/.../круглая жопиночка,
молода хотиночка...

Это я в стиле твоих стихов, вычитанных в «Н. Мире»... Очень славная подборка! И вообще в этом номере стихи, за малым исключением, очень хорошие, а уж Верлен, это вообще радость по нынешним временам редкостная.

Чуть было мы не попали с тобой в один номер журнала...

А пишу-то я тебе из больницы, голубица моя, но по тону видишь, что уже я ничего, и была б ты тут, мы б почитали стишки...

Простудился я в начале сентября, будучи на рыбалке, но уж зато насмотрелся, рыбки поел, о которой в России у Вас и забыли давно. Сперва я боролся с обострением в легких дома, потом переборол, но потом поехал в Овсянку капусту срубить и солить, и хотя капусту солили бабы, я все же сумел добавить, потом приехала ко мне моя редакторша, мы ударно поработали, почти до упаду, подготовили четыре тома собрания сочинений, вызвали издателя, сдали ему целый мешок папок. Гости мои попросились в Овсянку. Поехали, прошли по берегу Енисея, а от него холодом веет, промозглой сырью тянет /гидростанция ж, огромный этот резервуар воды рядом/, и я снова получил обострение, тут моя докторша, Ольга Семёновна, и говорит: «Виктор Петрович! Шагом арш на койку, хватит самостоятельности!..» Тут у меня хороший номер со своим сортиром, телеком, холодильником

и письменным столом /и если шулера живут, как люди, то почему бы людям не жить, как «шулера», — Макс. Горький/, и я читаю, да по мелочи уже и пишу.

У нас стоит прекрасная осень. До сих пор сухо, солнечно, и нет снега с ветрами, какие сдувают нас с Гремячей Горы, на которой расположен Академгородок, и поэтому еще я чувствую себя неплохо. Впереди зима, предстоит работа над второй книгой романа, надо набираться сил.

Как хорошо, что ты мне написала, а то я уж мучился тем, что ты на меня обиделась. Что была ты на фатьяновском чтении, я прочел в какой-то газете, а что в Москву переедешь, и совсем хорошо. Я ведь ныне вхожу в совет министра культуры и могу «по этой линии» иногда прилетать в Москву, куда меня пока не тянет, но как ты сделаешься москвичкой, глядишь, и потянет, и я не буду думать, что это ревматизм.

Я помаленьку пишу «Затеси» и перечитываю Пушкина. Вот перечитал «Евгения Онегина». Боже, зачем им голову забивают школьникам, это так велико, что и зрелому читателю не всякому по уму. Читаю комментарии и вижу, что эти «отходы» сделали бы любого современного поэта Великим, не дутым, не навязанным, а воистину и по работе Великим! Только теперь, уже самостоятельно я увидел, каким сложным стихом написан «Евгений Онегин», может, самым сложным и оттого особенно складным, певучим, с каким-то глубоким дыханием — в одном стихотворении этот стих повторить можно, но на роман и сил, и таланта не хватит ни у кого. Поэзия ныне разбродная, особенно у корифея Бродского, на ней лежит печать раздрызганности, недисциплинированности, она лохматая, нескладная, на ней печать случайности, невыношенности, и за нею нет труда, глубинной мысли, а банальности сплошь и рядом выдаются за какие-то глобальные мысли и откровения.

Какое счастье для всех нас, что был и есть у нас Пушкин, может, народ русский, если дураки его совсем не догубят, и доживет, дотянется когда-нибудь до своего главного поэта и человека будущего.

Ну вот, видишь, куда меня занесло. А в телевизоре-то, в этом «окне в преисподнюю», как назвал его современный критик, сулят нам в ближайшие дни морозы до — 25–30, ах, батюшки! Как это мы сразу из тепла и солнца — да и в стужу. Ну, что хотят, то и делают.

Заканчиваю письмо и отправляюсь смотреть по телевизору турецкий фильм «Разбросанная постель» — а ты не смотришь? Пиши! И как предыдущее письмо — на имя К/.../а, без приписки «для», меня на почте знают, как облупленного.

Ну, целую, милую, мысленно... Ах, как этого хочется!

Нежно тебя...

Твой — В. П.

28 октября 1992 г.
Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Москву, на ул. Металлургов, новогодняя открытка, 19 декабря 1992 г./

Дорогая Нина!

С Новым тебя годом! На новом месте пущай тебе будет теплее и лучше. Я штурмую черновик второй книги романа, потому не хватает меня на большое письмо. А твои все получил. Очень рад твоему устройству на новом месте. Это тебе Бог пособил, и вовремя, пока ты еще полна сил, энергии и желания жить самостоятельно, да работать. Конечно же, я всегда буду у тебя, но не знаю когда — с Нового года билет на самолет от нас будет стоить — 50–60 тысяч, и смогу я лететь только за счет казны, но когда закончу черновик романа и когда меня кто-то позовет — такие дела. У нас полная зима, морозно, но в квартире тепло.

Целую, целую, целую.

В. П.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПИСЬМУ — китайская или японская картинка на шелке, с таким автографом:

С Новым, 1993 годом! С Новосельем!
Дай Бог мира и хлеба новожителю московскому!

В. П.

19 декабря 1992 г.
Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Москву, на ул. Металлургов, новогодняя открытка с еловой веткой, с красными розочками, с красным серпантинном и с золотым колокольчиком на ней, 2 февраля 1993 г./

Дорогая Нина!

Выпадает мне дальняя дорога...

Аж в Париж, через Москву, конечно.

Документы я отправил, но поздновато малость, и, может, чего не так.

Ну, никто, как Бог... Если он за нас, значит я 11-го прилечу, ибо там впереди сплошные выходные, а у меня накопились дела в Москве.

Вылет из Москвы в Парыж планируется 16-го февраля, на неделю. Летим мы, я, Василь Быков и Владимир Огнев, на презентацию журнала «ФЕНИКС–ХХ». Может, хоть поговорим, пообщаемся. Я очень устал. На столе осталась последняя глава черновика 2-й книги романа. Приближаюсь к 500-й странице, моим почерком писанных, но это и на машинке не меньше 400 стр. При дальнейшей работе прибавится еще. Книга большая и очень трудная.

Оба твои прелестные письма получил. Они мой дух укрепили и помогли в работе.
Целую твои ручки, печатающие такие ласковые слова.
И всю целую. Перед отъездом /дай Бог/ я позвоню, а ты Толе позвони, вместе меня и встретите.

Твой — В. П.

2 февраля 1993 г.
Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

*/Из Красноярска в Москву, на ул. Metallургов, рождественская открытка с ангелом,
10 февраля 1993 г./*

Дорогая Нина!

Моя поездка отнесена на конец февраля — ищут деньги, когда найдут, известят, а я закругляю и зачищаю все дела. Письма твои получил — сердцем уже в самолете, но все в руках Божьих, как он распорядится. В остальном жизнь идет по-старому — в трудах и заботах.

Целую тебя много, много раз.

В. П.

10 февраля 1993 г.
Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

*/Из Красноярска в Москву, на ул. Metallургов, письмо на двух открытках, 24 апреля
1993 г./*

Дорогая Нина!

Не дозвонился я до тебя. Видимо, ты укатила в Рязань, к маме. Поздравляю с праздником светлой Пасхи и с праздником Весны. Желаю всего, всего тебе хорошего и самого доброго. Пусть тебе пишется, печатается и вольно дышится. Словом, помогай тебе Бог!

Я живу ожиданием переезда в деревню. Поболел тут и похандрил маленько, а сейчас улетаю в тайгу передохнуть и порыбачить. Возвратясь, сразу подамся в деревню, все уже на огороде высухло, надо убирать мусор, готовить к посадке огород. Помаленьку правлю рукопись, полученную с машинки. Работы, рабо-оты. А тут такое творится вокруг, что руки опускаются. Коммунисты разом лезут на трон, клацая зубами, как волки, готовые все рвать, в клочья, глотать кровь и мясо. Да как же их терпит Господь, как он эту нечистую силу не уберет с горькой нашей земли?

Надеюсь в деревне поработать на земле, добыть рукопись и осенью с нею, если еще будут печатать журналы, полететь в Москву, показать ее надо кое-кому. Пока К/.../в — мой ангел-хранитель, лежит в больнице, простудился, но уже скоро выйдет.

Целую, целую тебя всю и везде.

Твой — В. П.

24 апреля 1993 г.

Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из с. Овсянки в Москву, на ул. Металлургов, 23 мая 1993 г./

Дорогая Нина!

Письмо твое застало меня в деревне. Сiju я здесь почти месяц и делаю вторую редакцию романа /вторую книгу/, хотя собирался отдохнуть. Но вдохновитель русской литературы — плохая погода и одиночество — заставили вкалывать. У нас холодно, гнусно. Весны совсем еще не было, а сегодня уже 25-е мая. В горах лежит снег, огороды салят в грязь, картошка еще не посажена, а в средней полосе России едят уже свежую — там засуха, у нас наводнение, стужа. Очень хорошо говорит моя дальняя родственница — свето-перестав-ление. Хотел я дождаться конца работы, чтобы написать тебе подлиннее, но работа движется медленно, а почта накапливается, вот я хоть коротенько тебе отпишу.

Отвык я от людей, от цивилизации, иногда бабу хотца, а где ее возмешь? Надо рыскать, звонить, приглашать, время тратить, а к вечеру устаю так, — так и лягу спать... (...) Сколько же это недое.ов, сколько наслаждений упущено русскими писателями оттого, что они женились на литературе, этой бабе нахальной и вкрадливой, вытягивающей из человека все соки и иссушающей малафью. В Китае вон — Ду Фу, Ли Бо и другие великие поэты приедут в цветущую провинцию, девочку по вкусу и калибру наймут и пописывают, хорошо пописывают, вольно, цветасто, и все о красоте, о наслаждениях, о голубом небе и серебряных потоках вод, а мне вон кашу или картошку варить надобно...

Завтра приедет ко мне Поля, окончив третий класс, а с ней не заскучаешь. М. С. всю весну тяжело болеет, но ведет себя, как всегда, самоотверженно, — сиди, работай, говорит, раз работается, чем ты мне поможешь? А в доме, в блочном, холодно, неудобно. Здесь же я печку топлю, почти все дрова сжег, надо вот искать, где их купить.

Будем молить Бога, чтобы поскорее у меня сработался читабельный вариант романа, тогда я повезу его в Москву, к друзьям толковым — читать, а пока не очень я доволен работой, что-то где-то не то и не так, и впереди еще работать, работать и... заботы.

Целую тебя, миленькая моя. Посылаю тебе календарик с отметкой, когда я, примерно, думаю приехать с рукописью в Москву.

Твой... — В. П.

23 мая 1993 г.

с. Овсянка

ПРИЛОЖЕНИЕ к письму — календарик с адресом В. Астафьева, с обведенными авторушкой месяцами «сентябрь» и «октябрь» и с припиской:

Можно сюда писать.

В. П.

23 мая 1993 г.
с. Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из с. Овсянки а Москву, на ул. Металлургов, 23 июня 1993 г./

Дорогая Нина!

Погода измучила тут всех нас. Хорошо хоть наводнения нет, правда, оба края затопило, и еще Барнаул затопило. А там, на Урале, в городе Чусовом, где в грязи, саже, нищете и унижении прошла моя молодость, — юбилей, 60 лет доблестному городу Чусовому, и нас пригласили на торжество, но мы дали телеграмму, нонче ездить и летать никому не охота, да и незачем. Хвастаться будут. А чем хвастаться-то? Завод, построенный французами, стар, едва дышит, все время на грани остановки. Кроме него там знатные спортсмены — горнолыжники и по дисплею чемпион мира. Среди города витрина с фотографиями знатных спортсменов кирпичом разнесена, и на заборе старого кладбища суриком намалевано: «Да здравствует тов. Сталин! Слава КПСС!» Чем глубже в дремучую жизнь, тем дурнее наш народ, и он-таки докличется, дозовется «спасителей»-коммунистов, и умоют они его последней кровушкой.

Последние дни какая-то тоска на меня навалилась, лень и сон. Устал, видимо. Но рукопись на машинку сдаю. Правда, машинистка моя едва справляется с жизнью, но, может, страница по странице напечатает читабельный вариант книги, и я явлюсь к тебе (...). Как же ты, бедная, в машинистках-то оказалась? Еще и в Литинституте? */За сто пятьдесят рублей в месяц, т.е. за пятнадцать старыми, до либерализации цен 1991 г., деньгами. — Н.К./* Сейчас частным порядком машинистки зарабатывают больше, чем писатели. Правда, в Москве, может быть, машинисток много, а у нас с ними бедствие. Печатать литературный текст, да еще моим почерком писанный, не умеет никто, а ты эвон как легко его разбираешь.

В городе я не бываю, а Т/.../ К/.../ был у меня недавно и привез твое письмо, еще апрельское. Вот мне и лучше сделалось. Сегодня ели мы с племянником первый свой овощ — редиску — и даже выпили под нее, и я весь день проспал, как цуцик. Сейчас уже вечер, дождя нет, пойду поливать огород, и перед этим глажу твое мягкое место и целую тебя множество раз.

Твой — Виктор Петрович

23 июня 1993 г.
с. Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из с. Овсянки в Москву, на ул. Металлургов, 17 июля 1993 г./

Нину-уль!

Что-то случилось? Захворала? На родину ездила? Но скорее всего — не дошло мое последнее письмо к тебе, и вот ни звуку и ни грюку.

Я по-прежнему в деревне. Погода наладилась. Неделю было даже жарко +32, +35, и я поливал овощ, полол, как в детстве, да и сейчас полю, разминая брюхо. С горячим у нас, как и везде, плохо, так никто ко мне не ездит и не беспокоит. Я давно уж, кроме мелочей и писем, ничего не пишу, позволил себе отдохнуть. Вот только М.С. */Марья Семёновна. — Н.К./* в бетонном гробу задыхается, и ко мне ей поехать нельзя — Витя */внук В. Астафьева, сын умершей дочери. — Н.К./* куда-то там поступает, Поля одна здесь быть не может, больно бойка, побыла два дня и ногу поранила, месяц лечила, да и квартиру пустую оставлять опасно. Воровство и беспорядок у нас, как везде, да еще и с сибирским размахом и беспощадностью азиатской.

К сожалению, рукопись моя на машинке лежит без движения. М. С. очень плохо себя чувствует, больше лежит, а я надеялся в сентябре снова приняться за работу, предварительно съездив в Москву с рукописью, чтобы дать ее почитать сведущим в войне людям. Жизнь хужеет день ото дня. Как-то ты держишься на поэтических грошиках? Иль так и продолжаешь портить зрение на машинке?

Я сейчас много читаю, и очень много печатается хорошей прозы и стихов в периодике, и напрасно вопят засранцы-эмигранцы наши, что литература пропала, затерялась меж их шедеврами, принимая желаемое за действительность, особенно усердствует Витя Ерофеев в «Московских новостях», да все ведь с умным видом, с претензией на пророчество. Вообще-то парень он и есть умный, но такую хе.ю иной раз воротит, что получается из него современный Трегуб или Бровман, вот и долбит, и долбит «своя моя».

Дорогая моя, не забывай про меня, а я тебя тут каждый день вспоминаю, особенно под утро, э-эх, была бы под бочком...

Но ладно, оставим на потом!

Целую нежно —

твой Виктор Петрович

17 июля 1993 г.

с. Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Москву, на ул. Металлургов, 14 августа 1993 г./

Дорогая Нина!

С Рязанской земли мой старый знакомый Коля Родин прислал книгу, письмо и заметки из газеты. Я их прочел и тебе высылаю, по себе, долго жившему вдали от родного края, зная, как любая добрая весточка наполняет теплом грудь.

Две оказии подвинули меня к письму, даже три, твое письмо с книжкой и... и, знаю, что работы у тебя много и печатать уже до чертиков надоело, но, отсылая вчера расклейку юбилейной моей книги в издательство «Современный /бывший "Советский"/ писатель»

со статьёй, большущей, но нуждающейся в перепечатке, попросил его обратиться к тебе, ибо ты понимаешь мой почерк /а там есть правка/ и «хорошо ко мне относишься», написал я редактору. Это, чтоб не было неожиданностью. И главное, третье: директор крупнейшего в нашем крае Саянского алюминиевого комбината согласился быть спонсором в издании «Затесей» и книги Шукшина в подарочном, Толи Заболоцкого, оформлении, но попросил его привезти с собой два-три писателя «поговорить с народом» — я, один уже есть, а почему бы вторым не стать тебе? Выступать ты умеешь, поразвлечешь народ, ну и Сибирь посмотришь. Намечается это дело на сентябрь, Толя обещал мне позвонить /пока он созвонился с домом, в городе/, я сегодня же напишу ему письмо и буду склонять к сему предложению, а ты ему позвони /дозвониться будет трудно, он ошивается в деревне и по Москве бегают, как борзой/, если не дозвонишься, снеси записку в его ящик, это ж совсем близко от Литинститута, и попроси позвонить тебе, его адрес: /.../ — ты должна еще маленько помнить — идти в арку гостиницы «Минск» и, пройдя полквартиры свернуть налево, по скверу во двор и т. д.

Во, бля, я какой умный стратег!

Дай Бог, чтоб все вышло и Толя не сбрындил, а то наберет «своих» патриотов и защитников народа, а я их худо переносу последнее время — кликуши, болтуны они.

Целую, целую тебя.

Твой — В. П.

14 августа 1993 г.

с. Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Москву, на ул. Metallургов, письмо на картинке с Сибирью, 7 января 1994 г./

Дорогая-дорогуша Нина!

На картинке с родной моей местностью поздравляю тебя с Новым годом и желаю, чтобы в нем, в новом году, ты побывала в Сибири и полюбовалась на эти места. А еще желаю здоровья, стихов и хоть немного денег на житье независимое.

Я все же отболел полмесяца по приезде — простуда, но уже на ногах и на стуле за столом, штурмую роман, чтобы до марта, точнее в марте отдать его в журнал и... и сижу на диете, хочу похудеть, но пока не очень-то получается, хотя уже двадцать дней я на приколе, но, может, одолею себя.

Зима, слава Богу, переваливает за середину, к весне увидимся, тем и будем жить, т. е. ожиданиями и воспоминаниями.

Очень часто и нежно вспоминаю нас и мероприятия наши.

Целую, целую —

Вик. Петрович

7 января 1994 г.

Красноярск

ПРИЛОЖЕНИЕ к письму — рисунок В. Астафьева на листке для записок, цветок, нарисованный авторучкой, с таким автографом:

Цветочек стародуб мой к Новому году!

В. П.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Москвы в Москву, на ул. Металлургов, записка, приложенная к компьютерному набору книги В. Астафьева «Прокляты и убиты», 24 февраля 1994 г./

Нина!

Пожалуйста, перепечатай грязные и правленные страницы, а также и «слепые». Перепечатка откладывается издательством «Литера» /Иркутск/, и я посылаю тебе задаток.

Я вернусь из Швейцарии 9-го марта, я тебе попробую оттудова позвонить, но остальное тебе объяснит Юра, он предлагает чистый вариант романа набрать на компьютере, и я думаю, это значительно сократит время сдачи романа в журнал, а печатать весь роман на машинке это долго, да и глаза твои жалко.

Ну ладно, до встречи в марте!

Целую — Виктор Петрович

24 февраля 1994 г.
Москва

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из с. Овсянки в Москву, на ул. Металлургов, 26 июля 1994 г./

Дорогая Нина!

Я прилечу в Москву 8-го августа — сдача 2-й книги романа в типографию журнала «Новый мир», в котором мне надобно принять участие, так как я продолжал работать, и у меня есть вариант рукописи более совершенный. Увы, 10-й номер уже сдан в печать, и мне уже его не догнать, а вот 11–12-й я могу захватить и что-то еще сделать. Потребуется кое-какая перепечатка и впечатка в процессе работы, а так как никто мой почерк не оценивает, ты могла бы мне шибко помочь, а в Рязань поехать чуть попозже.

Сейчас я в деревне, работаю и, если б не отрывали, давно бы все сделал и успел в Москву ко времени. Вот завтра встреча творческой писательской интеллигенции с президентом Ельциным, и мне надлежит там быть — опять сутки потеряны, сбит настрой в работе. Беда!

У нас было и пока еще есть очень жаркое лето — южные районы края выгорели от засухи. Я встречался с Солженицыным, он приезжал ко мне в Овсянку. Даст Бог, расскажу. Если дозвонишься до Юры Ростовцева, скажи ему, что я прошу меня встретить, пусть позвонит мне в Овсянку — 2–7-55, через Дивногорск.

Вот пока и все. Я тебя целую.

Если ты найдешь, что я тебя стесню, то я остановлюсь в другом месте, есть у меня друзья и знакомые, готовые меня принять. Ну, а пока будь здорова —

Виктор Петрович

26 июля 1994 года

с. Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Москва, 8 августа 1994 г./

*Надпись на книге В. Астафьева «Русский алмаз», М.,
«Искусство», 1994 г.:*

Дорогой Нине Красновой
от юбиляра с поклоном
и пожеланием многих стихов,
хорошей жизни и здоровья.
Храни тебя Господь!

В. АСТАФЬЕВ

Август 1994 г.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Москва, 8 августа 1994 г., черновой вариант романа, напечатавший В. Астафьевым на мой магнитофон/

ОСЕНЬ

/Романс/

Музыка Владимира Проститова
Слова Виктора Астафьева

Над Енисеем осени круженье,
И листья тихо падают в реку,
И острова плывут, как листьев отраженье,
А сердце рвется вслед прощальному гудку.

Тревоги нет, а лишь тоска и горе
К морям холодным все летит, летит,
Нет, не тоской, а песнею в полуночном просторе
Она как память, память прозвучит.

Ах, осень, осень, зачем так скоро,
Зачем неожиданно прилетела ты,
Зачем ты утренним туманом
Укрыла летние цветы?

И улетают птицы, нами недобитые,
А в небе стон стоит, прощальный горький стон,
То улетают годы, нами недожитые,
Над Енисеем листьев, листьев перезвон.

Ах, осень, осень, зачем так ярко,
В час увяданья, увяданья светишь ты,
Зачем в груди так холодно, так жарко
От этой неизбывной красоты?

8 и 9 августа 1994 года Виктор Астафьев и Анатолий Шамардин оба были и ночевали у меня в Перове. И весь вечер, и всю ночь мы застольничали и вели интересные разговоры, и отбивались от перовских комаров, а Астафьев и Шамардин пели песни и русские романсы. И Анатолий подарил Астафьеву свою компакт-кассету «Время нежностей» и очень понравился Астафьеву: «Мне хватило пяти минут поговорить с ним, чтобы понять, какой он хороший малый, хороший, хороший, — сказал Виктор Петрович. — А уж какой Толя певец, и говорить нечего! Его песни это не какая-то дребезжати́на, которую мы каждый день слышим по радио и телевизору. Я буду воспитывать свою внучку Полю на его песнях, чтобы у нее развивался хороший музыкальный вкус». Между прочим, и Виктор Астафьев пел великолепно, у него был сильный, поставленный баритон, который гармонично сочетался с Толиным тенором. — Н. К. 21.10.2025.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Москву, на ул. Металлургов, открытка с птичкой на ветке, декабрь 1994 г./

Дорогая Нина!

Тебя, как эту птичку южную на кусту, поздравляю с Рождеством Христовым! С Новым годом! Пусть хорошо пишется и глубоко дышится. Вестей от тебя нет, значит, живешь не худо и не одиноко. А я написал новую повесть — антифашистскую. Скоро приеду в Москву получать премию и позвоню.

А пока кланяюсь.

В. АСТАФЬЕВ

Пишу из больницы, поэтому и коротенько.

Декабрь 1994 г.
Красноярск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из с. Овсянки в Москву, на ул. Металлургов, 31 июля 1996 г./

Дорогая Нина!

Очень хорошо ты сделала, что прислала мне книжку /«Семейная неидиллия», М., «ЛАВ», 1995. — **Н.К.**/ и письмо с описанием своей столичной жизни, в которой ныне удержаться — серьезная задача.

И предыдущую книгу /«Интим», М., РИФ «РОЙ», 1995. — **Н.К.**/, и эту я посмотрел с большим любопытством, и многое мне в них нравится — они, стихи у тебя, похожи на тебя, такие же доступно-песенные, без претензий на умственные сложности, но изобразительно богаты и простому народу понятные. И рисунки твои, как всегда трогательные, вроде как детские, да и все в тебе еще борется и, слава Богу, никак не переборется с детством. И как тебе при твоей-то сложной, трудной судьбе и жизни удалось сохранить эту детскую непосредственность и доверчивость, для меня было и остается большой загадкой.

Но это и есть защита от невзгод, напастей и житейской будничной нудности. Награда от природы и от Бога, за то тебя и люди любят, хотя порой и обижают. Но ведь есть люди, и среди них, к сожалению, женщины, которые и детей бьют, и обижают, и стариков не почитают.

Жаль, что мама твоя и стареет, и слепнет, а Татьяна ей не опора и не помощница, а даже наоборот.

Очень рад, что около тебя есть нужный и полезный тебе человек (*певец и композитор Анатолий Шамардин*. — **Н.К.** 21.10.2025), что ты съездила в настоящую за границу (*в Германию, в Баварию, с Анатолием Шамардиным*. — **Н.К.** 21.10.2025) и жизнь твоя идет хотя и трудно, но она плодотворна. А как у тебя у самой со зрением сейчас? Береги глаза, они и поэту нужны, тем более в Москве, где зри и зри, чтоб враг и гад не подобрался, не подполз из пыльного сквера.

Я живу в деревне, малость отдыхаю, почти ничего не делаю и до осени не буду делать, чтобы зимою взяться за 3-ю книгу романа. Иногда ничего, иногда, в перелом погоды, прибиваю. Но что делать? Года!

Надеясь на помощь Божью, все же думаю довершить роман, а для этого надо подлечить легкие и осенью съездить в Крым, или еще куда, где сухо, тепло и лечат легкие.

Лето у нас хорошее, урожайное, пошла зелень, 2-го августа, в Ильин день, подкопаем свежих картошек. Про-оживем! Напрасно коммунисты думают, что Россия без них подохнет, подохнут они скорее или, как жидкая грязь, будут смыты дождевой водой в канаву истории.

Обнимаю, целую тебя, поклон Толе /Шамардину. — **Н.К.**/ и маме с сестрою.

Преданно —
В. АСТАФЬЕВ

28 июля 1996 г.
с. Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из с. Овсянки в Москву, на ул. Metallургов, 7 сентября 1997 г./

Дорогая Нина!

Дошли-дошли и альманах /«Истоки», с моей публикацией. — **Н.К.**/, и письмо твое прелестное, как всегда складное и ладное, с большой радостью и удовольствием прочел его, а альманах посмотрел еще только бегло. Грустно, конечно, писать о грустном житье-бытье, да что сделаешь? Сейчас оно у многих грустное. Держись, родная моя, держись и как-то спасайся. Тебе ведь и раньше приходилось самой вытаскивать себя за волосы из житейского болота, и опыт большой, и силы еще есть, пусть уже и неюные.

Я все письма твои получил, но ответить было некогда — у меня здесь, в Красноярске, издается собрание сочинений в 15-ти томах, на выходе уже 8-й том, и работа над изданием забирает все силы и время. Я ведь сам все тома составляю и комментирую, и иногда меня уносит черт-те куда. Вот решил в 13-й том включить, как вариант, остатки рукописи, из которой я уже «достал» две повести — «Так хочется жить» и «Обертон», стал править, и понесло, и понесло графомана в неведомую даль. Короче, все лето убил на работу над повестью с хорошим названием «Веселый солдат», аж 12 листов накатал. А тут еще решил оставить по себе память и восстановил рассказ «Ловля пескарей в Грузии», да еще и послесловие к нему огромное написал, в рыло дал родному журналу «Наш современник» и его бывшему главному редактору, который, видите ли, не помнит, как меня предавал и бздел горохом перед грузинами, надо мной издевавшимися.

Ну и все работы такие, надо все искать, часто перепечатывать, дописывать, ксерокопировать, а канцеляристка моя, Марья Семёновна, совсем сдала, и я стараюсь ее не нагружать, топчется дома, «воспитывает» внучку, что-то посылно делает, и слава Богу, что тянет еще нить жизни, готовую в любой момент оборвать.

Очень устал. Одолевают люди. Кто с чем, чаще с докукой телевизионной или журналистской, газетной, а то и денег попросить, кто на поллитру, кто на хлеб, но чаще просят, думая, что у меня их мешок и я стою у ворот и только и жду, чтобы кому-то дать горсть из него.

Днями улетаю на Урал — ...! — в г. Чусовом этнографический музей купил избушку, которую я когда-то строил и хорошо назвал ее — «Мария», но сама Мария уже из дому не выходит, а я поеду и заодно отдохну, и музей помогу открыть, точнее — филиальчик музея.

Лето у нас нонче началось в марте — доходило до +20, но потом всяко было, однако урожай хороший, только бы убрать его, но погода мешает. У меня на огороде еще и картошка не копана, но зато кедр, мною посаженный, выдал нынче первые шишки, аж 8 штук. Увидев их весною, я чуть не заплакал. И вообще здесь, в деревенской избе, я чувствую себя хорошо, точно пень, мне тепло и сухо, а вот в городе, в блочном доме не могу, всю почти прошлую зиму болел легкими. Будь здорова. Крепись, держись! Поклон твоему композитору Толе Шамардину и редакторше с такой выразительной фамилией — Рой.

Целую —
Виктор Петрович

7 сентября 1997 г.
с. Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

*/Из с. Овсянки в Москву, на ул. Металлургов, открытка с видом Красноярска,
«Коммунальный мост через Енисей», 7 сентября 1997 г./*

Дорогая Нина!

Этот мост на пути в мою деревню, где намечаются вторые «Провинциальные литературные чтения» на сентябрь будущего года. Я попробую включить тебя в списки, и ты, возможно, увидишь наяву Сибирь /все оплачивается, и кормят на встречах хорошо/, но попеть и поговорить тебе придется. Рассчитываем на 5 дней, трех дней в прошедшие в позапрошлом году на «встречи» не хватило...

В. АСТАФЬЕВ

7 сентября 1997 г.
с. Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из с. Овсянки в Москву, на ул. Металлургов, приглашение на «Литературные встречи в русской провинции», 18 июля 1998 г./

ПРИГЛАШЕНИЕ

Красновой Н. П.

Уважаемая Нина Петровна!

14–18 сентября 1998 года в библиотеке пос. Овсянка Красноярского края состоится Вторая Всероссийская конференция по проблемам современной отечественной литературы, книгоиздательства, чтения и библиотечного дела.

Тема конференции:

«Современная русская литература и библиотеки
на пороге нового века: Опыт и перспективы».

Просим сообщить о своем решении до 10 августа 1998 г.

Наш контактный телефон: /39144/2–23–71 или 2–77–87.

Адрес: 663081, Красноярский край, пос. Овсянка,
ул. Набережная, 67. Библиотека.

Председатель оргкомитета, президент Союза товаропроизводителей
и предпринимателей Красноярского края
В. И. СЕРГИЕНКО

В. П. АСТАФЬЕВ

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/г. Дивногорск Красноярского края, сентябрь 1998 г./

Надпись на 1 томе 15-томника В. Астафьева /Красноярск, «ОФСЕТ», 1997 г./:

Нине Красновой
со старой памятью и симпатией старой
в память о моей родной Овсянке,
желая здравствовать, слагать и светло жить. —

В. АСТАФЬЕВ

Сентябрь 1998 г.
с. Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/г. Енисейск Красноярского края, сентябрь 1998 г./

Надпись на книге В. Астафьева «Обертон» /М., «Вагриус», 1998 г./:

Дорогой Нине Красновой
в память о Сибири
и о вигваме на речке Кеми,
где жарко горела печка
и мелькали отблески древней сказки.
До встречи в таком же месте.

В. АСТАФЬЕВ

Сентябрь 1998 г.
г. Енисейск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Москва, апрель 1999 г./

Надпись на книге В. Астафьева «Благоговение» /Красноярск, ИПК «Платина», 1999 г./:

Нине Красновой
с давней памятью и уважением с поклоном. —
и нежностью.

В. АСТАФЬЕВ

Апрель 1999 г.
Москва

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из с. Овсянки в Москву, на ул. Металлургов, 11 сентября 1999 г./

Дорогушая Нина!

Все я от тебя получаю, с умилением читаю твои письма. Все-таки ты, несмотря на неюный возраст и «сывшее» зрение, остаешься ясноглазым иль лупоглазым рязанским дитем. И это замечательно, это и есть свидетельство тому, что ты рождена поэтом и никем больше. Вспомни-ка! От Пушкина и до Рубцова все поэты — дети. Разные, порой несносные, злые, часто капризные, но все дети. Тебе вот только судьба не отпустила время и место для капризов, все-то ты хлопочешь обо всех, обласкаешь всех бедствующих, и меня тоже, хочешь, маму с сестрой оберегаешь и хоть супчиком накормить пытаешься. Воздастся тебе от Бога за все, за это, не оставит он тебя милостями своими, не оставит.

Я, моя хорошая, доживаю трудное лето, в самую жару, в июне хватил меня инфаркт, второй в жизни. Но при первом мне было 60 лет, и я его как бы не заметил, проигнорировал, а вот нынешний меня крепко достал и до сих пор мучает. Живу на лекарствах и к столу присаживаюсь боком, устаю даже от письма, а почты накопилось очень много, и текучка всякая, как всегда, не оставляет времени даже для болезни. Я и тебе пишу коротенько, чтобы сообщить, что в октябре иль ноябре, наверное, поеду в подмосковный санаторий, чтобы ладом пролечиться, иначе мне зиму не пережить.

Ну вот, французов Бог послал, письмо привезли и интервью для какой-то газеты требуют, и так каждый день. Выкопаем картошку, уберем овощ, и подамся в город, там вроде даже поспокойней стало, Марья, как может, обороняет.

Ну, целую тебя, сколько хочешь и куда хочешь. О приезде в Москву сообщу. Напиши, куда перевести деньги на новый журнал */речь идет о журнале Юрия Кувалдина «Наша улица».* — **Н.К.**/. Может, тебе? Боюсь, что у нас это дело будет путаное, а ты меня подпишешь, ладно?

Пиши в город. А пока до свиданья.

Преданно твой — В.П.
/В. АСТАФЬЕВ/

11 сентября 1999 г.
с. Овсянка

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ

/Из Красноярска в Москву, на ул. Новоселов, 20 декабря 1999 г./

Дорогая Нина!

От всего сибирского горячего сердца поздравляю тебя с Новым годом и желаю всего, чего желают люди добрые людям добрым. Будем Бога молить, чтобы и год, и новый век не были к нам так немилосердны, как предыдущие. Здоровья тебе! Зрячести, новых стихов и денег на прожиток, остальное ты добудешь, поскольку баба рязанская сноровистая, не в неге выросшая.

Не получилось у меня в ноябре поехать в подмосковный санаторий. Бог даст, получится в январе, и тогда я тебе позвоню. Пока же живу вяло и неинтересно. Попробовал работать, написал воспоминания о Николае Рубцове, идут предположительно в № 3 «Нового мира», и еще несколько «затесей» накорябал, эти собираюсь привезти с собою, и если Ваш журнал /«Наша улица». — **Н. К.**/ соорганизуется, отдам их Вам. А пока живу надеждой подлечиться и бросить палочку, с помощью которой брожу, мелко перебирая лапками 43-го размера (*В. П. стал ходить после второго инфаркта с палкой.* — **Н. К.** 21.10.2025).

Ну вот коротенько и все. Хорошего тебе праздника дома иль в Рязани, снега белого, хлеба спелого, много, много радостей, как в детстве на елке.

Целую преданно —
В. АСТАФЬЕВ

20 декабря 1999 г.
Красноярск

ПРИЛОЖЕНИЕ к письму — открытка с картиной В. И. Сурикова «Смеющаяся сибирячка» и с такой надписью:

Нина! Эта вечная сибирячка от Сурикова шлет тебе поклон в Новый год!

ВИКТОР АСТАФЬЕВ — НИНЕ КРАСНОВОЙ
/Из Красноярска в Москву, на ул. Металлургов, 5 апреля 2000 г./

Дорогая Нина!

Я скоро уж как месяц нахожусь в больнице — подремонтировываюсь. Журналы все получил /номера «Нашей улицы» с моим «романом» «Дунька в Европе». — **Н. К.**/, но роман твой еще не начинал читать, дождусь весь текст, и тогда уж начну, скорее всего уж в Овсянке. Здесь что-то дельное читать и делать недосуг, процедуры, уколы и прочая ерундовина.

Сожалею, что ты так бедствуешь. В конце мая я собираюсь в Москву, должен получить приличные деньги в охране авторских прав и смогу тебе помочь /этого ему делать не пришлось. — **Н. К.**/.

Что касается «чего-нибудь» для «Улицы» /для журнала Юрия Кувалдина «Наша улица». — **Н. К.**/, то всю зиму я не работал, то немоглось, то некогда было, лишь осенью несколько «затесей» написал и парочку отправляю тебе.

Жду весны, с нетерпением, с тоской в сердце, так я соскучился по дому в Овсянке, и так мне все обрыдло в городе. Здесь, в городе, зима длиннее, чем в деревне, а тоска непереносимая.

Извини, что коротко пишу, — надо собираться ехать в город, в другую больницу на процедуру.

Обнимаю и целую тебя. Преданно твой —

Виктор Петрович
/В. АСТАФЬЕВ/

5 апреля 2000 года
Красноярск

ПРИЛОЖЕНИЕ к письму — портрет Виктора Астафьева, сделанный Сергеем Элояном, с такой надписью В. Астафьева:

Рисунок Сергея Элояна
/Иркутск/
у меня дома 5 марта 2000 года.

В. АСТАФЬЕВ

Нине Красновой — до скорой весны!

*Компьютерный набор писем Виктора Астафьева
сделан 11–12 февраля 2002 г.*

Дополнения — 16 февраля 2002 г., 21 октября 2025 г.

Сергей Попов. «Поздний вираж»
М.: «Вест-Консалтинг», 2025

Мощно-напевный стих, сразу создающий атмосферу конкретики, пропитой золотистыми нитями вечности — коли упоминаются имена муз:

Районный ДК закрывался, и гас
фонарь у служебного входа —
и шла по звонку Мельпомена в отказ,
звала Терпсихору свобода.

Кружки прекращали свою колготу,
объект принимала охрана,
и вскачь по ступенькам с конфетой во рту
слетала фанатка экрана.

Сергей Попов круто заваривает алхимическое действо своих созвучий, и, дозированно мешая конкретику и воздушную ажурность, создает произведения фактурные, выпуклые, предельно насыщенные эмоционально и психологически.

Новая книга Сергея Попова, вышедшая в 2025 году в издательстве «Вест-Консалтинг», наименована «Поздний вираж» — название это, конечно, неслучайно.

Чеканом — телеграфной дробью существительных начинающее стихотворение — разматывается, вбирая в себя все больше и больше элементов мира; и одинокий (кажется — тощий, как штырь) ходок перекликается с необходимостью помнить «Отче Наш», сердцем помнить основную молитву:

Рождество. Пустырь. Холодок. Ледок.
И заядлый в местности той ходок.

И занятный в песенке той зачин
без каких-то выдуманных причин.

Просто черт налево ли, по кривой
в никуда наладился, сам не свой,

где на склоне дня торопясь во тьму,
рассуждать о принципах ни к чему,

а крутой осваивая вираж,
нужно помнить — ровно как «Отче наш» —

про такую власть запредельных сил,
что не каждый голову тут сносил.

Стих Попова не прост: он ветвится и разветвляется, играя, но совершенно всерьез, придаточными предложениями, утончающими и уточняющими смысл всего... происходящего.

В каждом стихотворении — своя внутренняя драматургия.

Каждое — вспыхивает, золотясь метафизически, на солнце духа.

Равнодушие современного мира к поэзии, к поэтическому волхвованию-пророчеству, дается через визуальный ряд: картины четкие, и дым, упомянутый в первой строке стихотворения, словно показывает всю зыбкость этих картин: без словесной основы, без основополагающей идеи:

Стихосложенья осевший дым
не представляет собой угрозу
городу, что представал родным,
родине, что перешла на прозу.

За вычитаньем опасных рифм
следует разукрупнение мира —
воспоминания входят в Рим
и превращаются в сердце Рима.

Интересно-ностальгически и с игрой незримого, всепожирающего огня времени возникает портрет школы: холодноватые взмывы января блестяще бликуют при этом:

Эники-беники ели варе...
Школа в рассветном горит январе.

Пламенем синим, индейским огнем
здешней киношки охвачен объем.

А вместе с Б восседала на тру...
В зальчике яро знобит поутру.

Чинч по раскладу сценария гук —
старый «Смит-Вессон» покруче наук.

Обрываются знаменитые считалочки.

Завершаются — как почти всё.

Остаются бесконечные поля глубокой и колоритной поэзии, свидетельствующие о своем времени... о всех временах...

Александр БАЛТИН

**Александр Дуда. «Пока непроданная Любовь
(знаки препинания и акценты расставьте сами)»
М.: Вест-Консалтинг, 2025**

Своеобразная книга поэтических коротких рассказов — иногда текст укладывается в одну строку, максимум в три. Поэтические и иронические рассказы, сдобренные метафизикой бытия, раскрывающие разные ракурсы бытования земного:

«У одной уважаемой Поэтессы был знакомый — молодой мужчина Муз.
Вскоре Он стал Ее Мужем.
Всего одна буква, а как меняется статус».

Кинга с колоритным названием — «Пока непроданная Любовь» (знаки препинания и акценты расставьте сами), сочиненная Александром Дудой, выпущенная издательством «Вест-Консалтинг».

Пародийно-абсурдные аспекты сборника волнами накатывают на сознание читателя:

«Литературный критик обвинял поэтов и писателей в плагиате на произведения Пушкина за использование тех же самых гласных букв, что и Александр Сергеевич».

Когда не в чем обвинить — так хоть в этом, что еще делать-то литературному критику!..
Впрочем, и краткие стихотворения в прозе, включающие в себя целые бытийные истории, входят в книгу:

«Немного о силе Слова, связи литературы и финансов. В декабре 2024 года Первый зам-пред одной финансовой группы, “Мальчик Дима из синей группы детского сада”, так Он сам себя назвал в одной из публикаций СМИ, написал открытое письмо Снегурочке и Деду Морозу с конкретными пожеланиями, направленными на удержание ключевой ставки на прежнем уровне, поддержание экономики России и своей группы. При этом, подавляющее большинство финансовых аналитиков из других групп детского сада уверенно высказывали прогноз о повышении ставки минимум до 23%. Некоторые даже категорически говорили, что это неизбежно. Влияние синей группы оказалось сильнее, просьба была услышана, в итоге ключевая ставка ЦБ осталась неизменной.

Любые совпадения руководителей страны со сказочными персонажами можно считать “случайными”.

Вне зависимости от возраста, верьте в силу Слова, чудеса Снегурочки и волшебные способности Деда Мороза!»

Совпадения — они всегда случайны; на том и построены игры судеб.

Александр Дуда интересно заверчивает, закручивает, заваривает жизненные ситуации, рассматривая их спокойно, со стоицизмом: мол, жизнь щедра на... многое, и всегда остаются юмор и ирония, чтобы примириться с ее каверзами.

Хорошо читается книга — бодро, звонко.

Часто весело.

Александр БАЛТИН

**Олег Лич, «Хиромантия и астрология»
М.: «Вест-Консалтинг», 2025**

Хиромантия! Астрология!

Как манят бездны эти!

Как, мерцая загадочно, влекут их интеллектуальные орнаменты!

Книга Олега Лича «Хиромантия и астрология», выпущенная издательством «Вест-Консалтинг», представляет собой интересный, сквозь фильтры дара и мастерства пропущенный, взгляд на таинственные явления бытия:

Сквозь падения и пьянство
(Ох ты, русская гульба!)
В параллельное пространство
Пробивается судьба.

Сквозь веселье и тревоги,
Взлёты и подспудный страх
Мы с извилистой дорогой
Параллельны в небесах.

Там за Млечным — по ладони,
Огибая бугорки,
В бесконечность небосклона
Идут линии руки.

Стих бодр и энергичен, динамично развиваясь, захватывает в свои пульсирующие недра разные феномены жизни...

Именно так — порой и через российское пьянство-окаянство — прорываемся в неведомость, о которой могли предупреждать геометрические рисунки ладоней и почти алгебраические выкладки астрологии.

С другой стороны — сколь неизведанно-чреватые могут быть запредельные путешествия, столь хочется обыденности, явной ее онтологии, поэтому:

Я не хочу мятежных слов,
Нездешних снов,
Вселенских мыслей.
Давайте жить как мы привыкли —
Без сотрясения основ.

Занятно — острые начертание веток древесных в воздухе вполне могут быть сходны с переплетениями, означенными на ладонях; взгляд сквозь ветви на земную, предельной предметности конкретику, интересно отражается в зеркале стиха:

Низинами в туманной сетке
Я каждый день бродил один
И эти дни нанизывал на ветки,
На голые ветки осин.

И сквозь безлиственные ветки
С обрывов, замерев, смотрел:
Внизу, в долине вагонетки
Вползают медленно в туннель.

Разумеется, книга, названная так таинственно, посвящена не только сложным мирам: земное в ней толкуется по-разному, и минимум слов порой сочетается с максимально насыщенным содержанием:

Жить,
Покрываясь гляncем мая,
Прищурив веки.
Финифть
Под кисточкой с эмалью
Свежа навеки.

Многочасная, как старинные (византийские, скажем) эмали, книга; переливаются красками нюансы чувств и эмоций.

«Бессонница», истолкованная метафизически, словно свидетельство неустанно работающего механизма постижения — всего, что удастся увидеть, с чем можно соприкоснуться:

Просыпаюсь от толчка
И в тревоге,
За пределы потолка
Влекут небесные дороги.

Барабанит до утра
Дождь по крыше,
Понимать давно пора
То, что слышишь.

То, что слышу — всё во сне
И тумане.
Не дышу и всё во мне
Барабанит.

Память — острая, как биссектриса, не прекращающая работу, словно вершит исследование былого:

Память не может быть белой.
Сквозь годы и дней вереницу
Мой папа помнит расстрелы
В гетто где-то под Винницей.

В памяти чёрным вкраплением
Бледные-бледные лица.
Мой папа помнит расстрелянных
В гетто где-то под Винницей.

Многое попадает в окуляры поэта, в том числе тяжкое: пьянство и нищета, безнадежность и бессмысленность стихосложения, поэтического действия в наши дни; многое становится прекрасным, распускаясь цветами образов; и в целом книга, достаточно сильно, музыкально исполненная, оставляет благоприятное впечатление.

Александр БАЛТИН

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 50 экз.
Сдано в набор 17.11.2025
Подписано в печать 27.11.2025